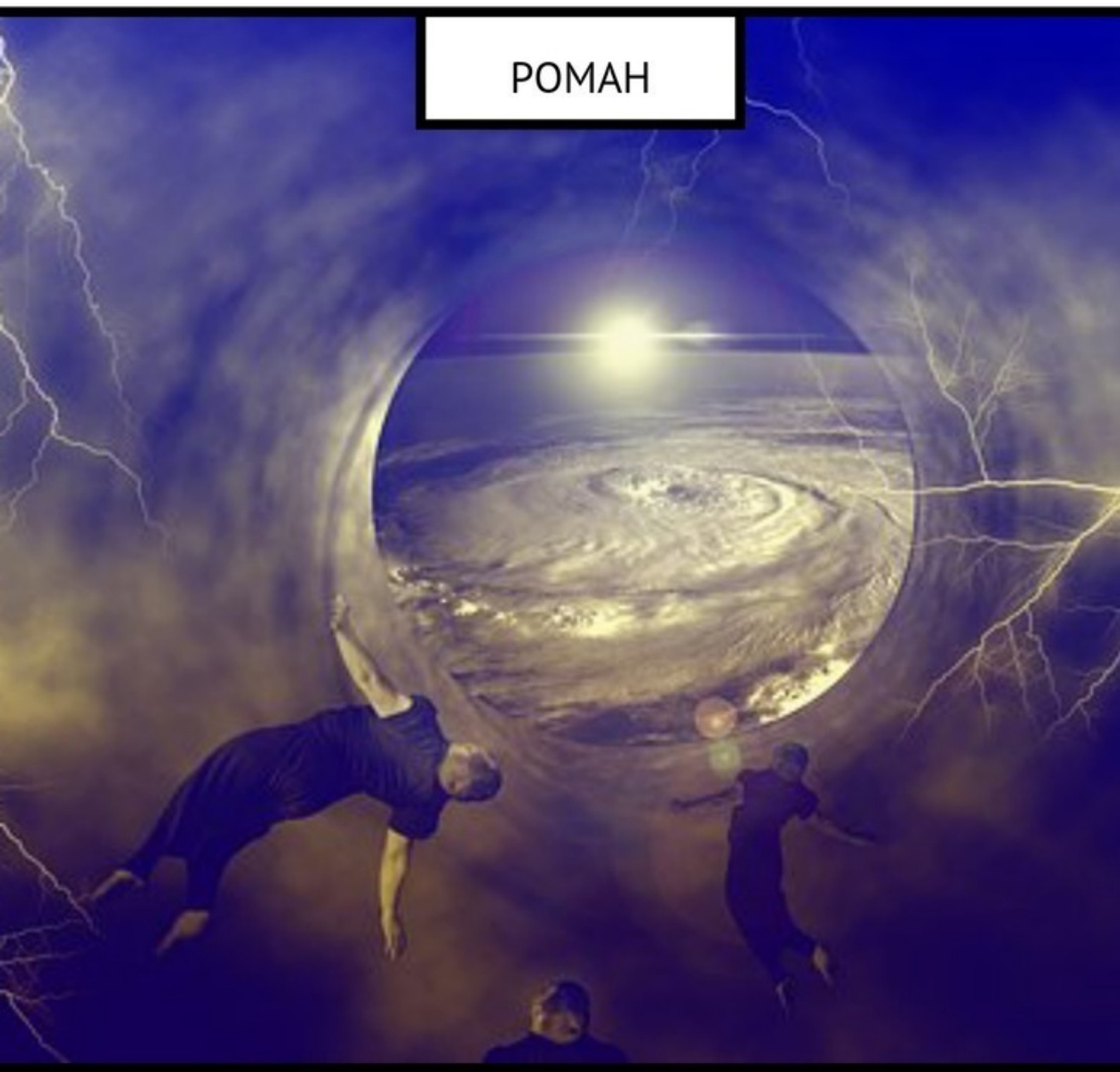

АЛЕКСЕЙ ДУБНОВ

Петля реки времени

РОМАН

Алексей Дубнов

Петля реки времени. Роман

«Издательские решения»

Дубнов А.

Петля реки времени. Роман / А. Дубнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853107-1

Четверо друзей, сплавающих по реке, проваливаются через временной портал в 1941 год. В результате драматических перипетий они попадают в плен к умному и амбициозному эсэсовцу. Он добывает из будущего военные разработки, которые позволяют господствовать Третьему рейху во Второй мировой войне. Эсэсовец посылает «попаданцев» в Нью-Йорк в 1936 год с тем, чтобы они добыли «лучи смерти» — оружие, разработанное Николой Теслой. Завладеет ли «лучами» очередной параноик?

ISBN 978-5-44-853107-1

© Дубнов А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Петля реки времени

Роман

Алексей Дубнов

© Алексей Дубнов, 2017

ISBN 978-5-4485-3107-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Памяти моих родителей посвящается.

Благодарности: Геннадию Александровичу Никитину, Игорю Александровичу Никитину, Сергею Юрьевичу Борисову, без которых эта книга не могла бы состояться.

Часть первая

Автоматная очередь с берега. Шок для четверых туристов, плывущих на двух надувных лодках. Откуда стрельба? Почему? Здесь, на этой тихой, мирной, можно сказать, забытой Богом речке? В реальность автоматного стаккато трудно было поверить, если бы одна из пуль не пробила внешний надувной контур первой лодки. Остальные прошли над головой гребцов с характерным свистом.

«Такой звук, несущий смерть, ни с чем не спутаешь!» – в ужасе, граничащим с шоком, подумал Алексей Денисов и почувствовал, как «провалился» желудок. Такой свист он слышал в Чечне, когда его и телеоператора, прилипших к броне БТРа, обстреляли боевики. Тогда всё обошлось. Ушли. Прошло более пятнадцати лет, но звук этот с беспокоящим постоянством режет ватную гулкость сна, повышаясь до ультразвука, рвёт барабанные перепонки. Огненные нити прошивают кровавую мглу. Может, это опять сон?

Надувная лодка с двумя мужчинами и туристическим скарбом, словно после долгой задержки дыхания начала шумно и, казалось, облегчённо выдыхать воздух полихлорвиниловыми лёгкими. Только два других независимых друг от друга внутренних контура и дно, надуваемые отдельно, позволяли лодке оставаться на плаву.

Вторая очередь прошла косо по камышам прямо перед носом.

– Назад! Табань! Гребь, мать твою! – с диким рёвом взорвался Лёха, быстро сообразив, что это не пейнтбол. Нужно было вывести ничего не понимающего и бросившего вёсла Игоря из ступора.

С задней лодки, которую от первой отделяли метров пятьдесят водной глади, раздались встревоженные крики двоих других участников похода:

– В чём дело?! Кто стреляет?!

– Назад!!! Генка, Серёга, стойте! Назад!!! – истошно завопил очнувшийся Игорь. До него, наконец, дошла серьёзность ситуации. Алексей, лихорадочно разворачивал лодку. Игорь, помогая товарищу одним веслом, вытащил из бокового кармана комбеза бинокль.

– Оставь его, нахрен, гребь! – в голосе Алексея прозвучало раздражение.

Но Игорь его не услышал, поднял оптику к глазам.

– Что за чертовщина! Солдаты, причём в форме Вермахта! Человек пятнадцать-двадцать! Да там ещё мотоциклы с пулеметами и грузовик...! Там, на косе! Фашисты, короче!

По ошалелым глазам друга Алексей понял: так не шутят. Но тут же в голове пронеслось, что старичок сбрендил от шока. После недавней защиты диссертации по военной истории, повернулся совсем. Везде мерещатся фрицы в форме. Какие здесь, к черту, в 21-м веке фашисты, какие, нахрен..., короче, это я Иван Бездомный, звоню из сумасшедшего дома, пришлите десять мотоциклов с пулемётами! Скорее всего, не заметив предупреждающих табличек, заплыли в запретную зону!

Однако, Игорь не сбрендил. Алексей убедился в этом, взяв у друга бинокль.

– А может, кино снимают? «Мы из будущего – 3» или очередной «Туман», – Алексей, да и, наверное, никто сразу бы не поверил в невозможное.

Тогда четверо мужиков, четверо закадычных друзей, не знали, куда попали, и какой ужас ждёт их впереди...

***

«А помнишь, как всё начиналось..., как строили лодки, и лодки звались...»

На самом деле, лодок ребята, конечно, не строили. Они их просто купили. Плавсредств в походе было два, а не три как в песне. И звались они по-другому: «Морская калоша» и «Мор-

ской болт». Ну, уж так они их прозвали, хотя по морям и не ходили. Причём, с «калошей» более-менее всё понятно. Лодка и вправду по форме напоминала резиновое обувное изделие, а если убрать из слова калоша первую букву, будет «алоша», вроде как, Алёша – хозяин «Калоши». Короче, перефразируя детскую песенку, друзья достали Лёше отличную «калошу». А вот с «Морским болтом» не всё ясно, – никто не мог объяснить, как выглядит болт именно морской. Лёгкие, но прочные полихлорвиниловые изделия не раз доказали свои ходовые качества при сплавах по подмосковным речкам. Лёшкина пятиместная лайба вмещала двоих взрослых и троих детей. Но вот когда загрузишь три рюкзака, палатки, продукты, воду, еду и сумку с бухлом, причём, последнее по объёму и весу доминирует, то реально с комфортом там уместятся не больше двух человек. Взрослых. Детям уже не место. Особенно рядом с бухлом. В «Калоше» плыли Лёха и Игорь. «Морской болт» – поменьше, поэтому мужики усадили туда, как заметил один из друзей, менее значимый груз – Генку и Серегу. Без дружеской подколки они не могли.

Сплав начинался весело. Гомон, шутки-прибаутки, беззлобный мат стелился над раскрывающей перед путешественниками свои перспективы рекой. Все это называлось БАП. Ребята расшифровывали эти буквы, как Большое Алкогольное Путешествие. Для жён же аббревиатура означала: Большое Авантюристическое Путешествие.

Какая там, нафиг, Турция, какие там, нафиг, Канары или, скажем, Таиланд. Нет ничего лучше красот среднерусской полосы, неторопливого спокойного течения и плавных изгибов берегов её небольших речушек. Особенно в начале июля, когда комфортная, безветренная погода, безоблачное небо и доброе солнце обещают ласку и заботу о путешественниках. Ну а когда случается ливень, гроза или сильный ветер, тоже, в общем, неплохо – начинаются приключения, трудности... И потом, палатки на что? Зато есть, что вспомнить.

«И птицы щебечут, и солнце встаёт, и солнечный ветер в дорогу зовёт... Дорога ведёт, словно жизненный путь, в дорогу с собою друзей не забудь!» Восторг, радость, природа, ошеломительная красота оставленных за бортом пейзажей, надежность партнёра по лодке, уверенно держащего весло, – вот оно счастье в жизни, ради которого одиннадцать месяцев в году терпишь «офис-пресс».

– «И начальство и работу наконец-то могу я послать!» – в четыре глотки орали здоровые, крепкие мужики, не подозревая, что возвращение домой будет под вопросом, что из этого «весёлого» путешествия они могут не вернуться...

***

– Надо назад, за мост! – закричали подплывшие Серёга и Генка.

– Согласен, – отозвался Лёха.

Игорь почему-то молчал. Какое-то интуитивное чувство не позволяло ему согласиться с ребятами, хотя, по логике, за мостом, где река делала крутой изгиб, было безопаснее всего. Тем не менее, развернулись. Вновь напряглись уставшие за день мышцы. Теперь предстояло подниматься вверх против течения. Лодки, плывущие почти вплотную в подкрадывающихся вечерних сумерках, уже прошли в обратном направлении метров сто, когда Игорь, сидящий на носу «Калоши», в очередной раз посмотрел в бинокль в сторону моста и резким полусшепотом скомандовал:

– Стоп! Как чувствовал! Пльвём к берегу! Вон на тот островок. И тихо, не шуметь!

– В чём дело? Что ещё? Какого чёрта? – вымотанным ребятам явно не понравилась такая перспектива.

– Молчать, идиоты! – сдавленным голосом прохрипел Игорь, указал в направлении моста и протянул Лёшке бинокль. – Смотрите сами.

Денисов приник к «цейсу». Генка, достал такую же оптику и уже со своей лодки разглядывал мост.

– Мать честная! Что же это получается?! – первым очнулся Алексей. – Куда мы попали?

– Хрена се, ничего не пойму! – Гена был явно растерян. Сергей уловил это по голосу и явно напрягся.

– Да что происходит-то, наконец? Суффикс вам в глотку! Что вы там ещё узрели? Да и вообще, кто стрелял?

Генка молча протянул другу бинокль.

– Не может быть! Этому должно быть какое-то объяснение! – Сергей, то опускал окуляры, то вновь приникал к ним: с двух сторон моста, под которым они недавно прошли, и который был тогда явно разрушен, теперь стояли две небольшие вышки с пулемётчиками. У их основания угадывались характерные для блокпостов укрепления, выложенные из мешков с песком. На мосту суетились услышавшие стрельбу патрульные с винтовками в руках. Характерные очертания немецких касок и футляров для противогазов за спиной выдавали хорошо знакомые по фильмам силуэты солдат Третьего Рейха. Весь ужас и невероятность заключались в том, что пять минут назад, когда путешественники проплывали мимо полуразрушенных опор моста, у которого недоставало как минимум двух пролётов, никаких вышек и солдат в помине не было. Сейчас же в оптику ребята разглядели вполне крепкую, рабочую инженерную конструкцию. Кроме того, полнейшее недоумение вызывало и то, что солдаты были одеты в фашистскую военную форму.

– Потом будем версии кидать. Гребём к берегу пока те на косе, кажется, потеряли нас из виду, и без разговоров, звук по реке стелется далеко. – Игорь, как водится, взял на себя командование.

Пытаясь бесшумно опускать вёсла в воду, мужчины направили лодки к острову. Этот клочок суши находился между косой, откуда их обстреляли, и мостом. С косы, благодаря излучине, остров не просматривался. Только с моста. На противоположный берег тоже нельзя – его видно и с моста и с косы, поэтому выбора, куда плыть, больше не оставалось. По крайней мере, это позволяло избежать перекрестного огня и укрыться в глубине островка.

«Калоша» плохо поддавалась управлению, поскольку уже сильно просела из-за почти сдувшегося внешнего контура. Борта, чудом ещё обеспечивали плавучесть, несмотря на воду, понемногу заполнявшую гружёную лодку. Встречное течение заставляло гребцов прикладывать невероятные усилия, чтобы держаться в нужном направлении. Поэтому бесшумно не получилось, – вёсла невольно лупили по воде. Ритмичные всплески и плохо сдерживаемые гортанные хеканья слышались в эту безветренную погоду далеко.

Сначала на одной вышке, потом на другой вылупились удивлённые глаза прожекторов. Через секунду оба луча сошлись вместе и, слепя гребцов, назойливо, даже с какой-то уверенной, раздражающей наглостью стали сопровождать лодки. С моста, до которого было метров сто пятьдесят, донеслось: «Хальт!»! В последовавшей после окрика тираде кроме этого знакомого немецкого слова было понятно ещё одно – «шизен» – стрелять. Другие мог разобрать только Серёга. Он неплохо знал язык Гетте, Шиллера, Гитлера и «Рамштайна».

– Пароль спрашивают. И ещё просят остановиться, а то будут стрелять.

– Ага, – саркастически усмехнулся Генка. – Просят, просто умоляют!

Через мгновение им стало не до смеха. С правой вышки в полный голос произнёс свою первую убийственную фразу пулемет MG-34. Фонтанчики от пуль вздыбили водяную гладь прямо перед «Морским болтом», который теперь шёл первым. Второй MG с противоположного конца моста подхватил предложение своего железного коллеги-убийцы. Аккуратная стена фонтанчиков встала сзади второй лодки.

– Да что ж за твою мать?!?! – рефлекторно от неожиданности заорал в испуге Гена. Подобные возгласы вырвались и у остальных.

– А сейчас точно будет в нас! Все в воду!!! – с криком отчаяния Игорь первым перева-лился через борг. Паника, охватившая мужиков, окончательно ошеломлённых происходящим, всё же не отняла способности действовать на уровне рефлексов и инстинкта самосохранения. Нырять! Нырять! Так они менее уязвимые мишени.

Через секунду три тела с шумными всплесками последовали за первым.

Игорёк, можно сказать, как в воду глядел, предрекая, что следующие очереди попадут в цель. Две пули схватил «Болт» и ещё одну, уже вторую, «Калоша». К счастью, плюхнувшись в воду, ребята почувствовали под ногами дно. Не сговариваясь, схватились за выпускающие воздух борта лодок. С упрямой яростью обреченных начали тянуть терявшие формы полихлор-виниловые изделия в камыши за пропущенные по бортам фалы. Все понимали: без туристиче-ского снаряжения, еды, палаток и самих лодок, которые им, может быть, удастся отремонтиро-вать, выжить в ситуации переставшей быть томной, было не больше шансов, чем у космонавта на Луне без скафандра. Подходы к острову преграждались плотной стеной камыша. До зарос-лей оставалось каких-нибудь метров пятнадцать. Инстинкт самосохранения, желание выжить заставляли нырять и, в тоже время, не забывать тянуть под водой обмякшие лодки за носо-вые и бортовые фалы. Слава Богу, что мужики всё же успели повернуть за крутую излучину реки, выпав из зоны видимости мотоциклистов на косе. Перекрестный огонь точно пригото-вил бы из туристов зразы со свинцовыми «маслятами». Но от того, что ушли за излучину, не становилось легче. В слепящем свете прожекторов все эти водные барахтанья со стороны моста были видны как на ладони. Идеальные мишени, как в тире. Сейчас последние очереди из двух пулеметных стволов, прицельные винтовочные выстрелы караульных произнесут свою заключительную эпитафию и отправят непрошенных гостей кормить рыб.

И тут произошло не столько непонятное, сколько нелогичное продолжение смертельной аквааэробики: свет прожекторов внезапно погас. Гортанные выкрики команд на мосту прекра-тились так резко, будто кто-то нажал кнопку «стоп» на невидимом плеере...

***

Тогда в горячке водно-свинцовых процедур они не стали разбираться, почему так вне-запно Провидение амнистировало их. Люди просто продолжали бороться за жизнь, проклады-вая себе дорогу к берегу через плотный занавес камышей и осоки. Набухшие от воды рюкзаки и сумки, ставшие непомерной ношей, пришлось взвалить на себя, поскольку лодки уже почти превратились в бесформенные тряпки и груз уже не держали. Но надежда на восстановление оставалась, поэтому «Калошу» и «Болт» не бросали. Неподъемные рюкзаки тянули ко дну.

Минут через пятнадцать ожесточённой борьбы с камышами, водорослями и илом, совер-шенно измотанные, обессиленные, мокрые и грязные, туристы выбрались на берег. Оттащили на сухое место спасённое добро. На это ушли последние силы. Четверо здоровых мужчин про-сто рухнули на землю и, тяжело дыша, хрипя и кашляя, лежали так неизвестно сколько, – на часы никто не смотрел.

***

– Таки я шо-то очень плохо не понял, шо за тухес [тухес – место на теле человека, где спина заканчивает своё благородное название (идиш.)] творится? – первым очнулся Алексей. Его тётка жила в Одессе, и он почти каждый год ездил к ней на лето в гости. Поэтому, напи-тавшись местного колорита, частенько выдавал перлы одесской изящной словесности. Специ-ально, конечно.

– Я тоже хотел бы знать, – отозвался Игорь.

– Такое впечатление, что мы попали в сорок какой-то год. – Генка, достал из кармана промокшие сигареты. – Сухие у кого-нибудь есть?

Всем, кроме некурящего Денисова, обникатиниться хотелось не по-детски.

– Я пять пачек и зажигалку в целлофан закатал на всякий случай. – Молчавший до этого Сергей потянулся к своему мокрому рюкзаку.

Закурили, прикрывая ладонями и лапами курток огоньки. Лёха, также скрытно включил мобильник, который предусмотрительно упаковал в непромокаемый пакет. Спустя минуту констатировал:

– Как говорят в Одессе, керосина нет и неизвестно! В смысле, сети нет! Хотя до города, как там его, Кубринска, кажется, здесь километров пять от силы. Должны быть вышки. Но, судя по всему, вышки пока только с часовыми. Какие идеи? Может быть мы в прошлом? Там ещё сотовых не изобрели.

– Только вот сказок насчёт скачка во времени или, там, других фантастических сюжетов не надо. Начитались Конюшевских с Конторовичами. Должно быть какое-то простое реальное объяснение! – в голосе Игоря слышалось плохо скрываемое раздражение. Он всегда был реалистом. А еще Полковником. Такое прозвище ребята дали ему из-за любви покомандовать. Впрочем, в критических ситуациях это было оправдано. Полковник не боялся брать на себя ответственность. Правда, это не означало, что во всех спорных ситуациях его беспрекословно слушались. Могли, конечно, по-дружески и послать. То есть, как это на ...? – недоумевал мужик. Но, когда друзья интуитивно понимали, что Игорь прав, с радостью предоставляли возможность контролировать ситуацию. По жизни Игорь Александрович Николишин занимался нефтяным бизнесом в какой-то посреднической фирме. Он не был олигархом, но изредка, после хорошей сделки, покупать дорогие игрушки мог себе позволить. К таковым относилось оружие. Настоящий Полковник, он обожал его.

Как обычно взял в БАП гордость и красоту своего арсенала – настоящее помповое ружье и около пятидесяти патронов. Ружье это называлось BPS (Browning Pump System). Как же мужики в походах любили палить по банкам и бутылкам из этого мощного гладкоствола. Это вам не духовые пукалки, которые традиционно брали с собой в походы все члены команды. Их пестики представляли разве что угрозу для стеклянной и алюминиевой тары. Из Игорёхиного же BPSa с близкого расстояния можно было завалить кабана. Несмотря на то, что мужикам было за сорок, они всё ещё в душе оставались мальчишками. А какой мальчишка не любит поиграть с оружием? Тем более с настоящим!

– У кого-нибудь ещё версии есть? – Игорь стал вкладывать не промокшие патроны в патронник ружья. Слава Богу, не забыл перед погрузкой в лодку положить их в непромокаемый чехол вместе с документами и деньгами.

– С дробью? – поинтересовался Сергей.

– К сожалению, только с дробью и картечью. С приличного расстояния этих фрицев не достанешь. Но для самообороны сгодятся. Если близко подойдут.

– Кто подойдёт? Вообще, кто это такие? Что они здесь делают, почему стреляют боевыми и сразу на поражение?

Сергей выложил свою версию. Возможно какие-то наци-отморозки, или просто гопники нашли старый военный склад с фашистской формой и оружием, выехали на пикничок, перепились и решили поиграть в войнушку.

– Это больше похоже на правду, – кивнул Игорь.

Но Лёшка убил эту «правду» своими аргументами.

Ему было непонятно, как гопники-отморозки за пять-семь минут, пока мужики плыли от моста до косы, восстановили разрушенные пролеты, построили вышки и сложили два брусстера из мешков с песком. Кроме того, те эсэсовцы на косе на «цундапах», или как там их мото-

циклы называются, были, насколько Алексей успел разглядеть, далеко не пацанами. Вполне взрослые дядьки.

– Да, действительно, неувязочка, братан, – согласился с Алексеем Генка.

– К тому же, гопники не говорят свободно на немецком, тире им в глотку, – вставил озадаченно Серёга.

– Так или иначе, сегодня они вряд ли сунуться. Уже стемнело, мы на острове. Не думаю, что поплывут сюда к нам в темноте. Как пить дать, утра дождутся.

– Мужики, вы не заметили, есть ли у них лодки?

– Да вроде не видно было, хотя, кто их знает...

– А вы не поняли, почему они прожекторы вдруг вырубил и замолкли разом?

– Да, пока одни вопросы...

– И факты, но они не вносят ясность в ситуацию, – весомо произнёс Игорь. – Во-первых, мы чуть не погибли. Это без сомнений. Во-вторых, нас конкретно обстреляли отнюдь не из виртуальных стволов. В-третьих, возможно, мы потеряли лодки.

В темноте оценить ущерб не представлялось возможным. Но скорость, с которой «Калоша» и «Болт» сдувались не вызвала оптимизма... Утро вынесет свой приговор. Разжечь костёр и обсушиться бедолаги не могли – боялись, что отсветы могут вызвать вражеский огонь. Оставалось согреться водкой и ждать рассвета.

– Только не напиваться, это может быть чревато. Дежурить будем по очереди. Смена каждые два часа. Кто может, пусть попробует поспать. Утро вечера мудренее, завтра решим, что делать. – Игорь был сама уверенность.

– А может рвануть на дальний берег вплавь?

– Это метров сто. Наверняка нас снесет течением точнёхонько в лапы к эсэсовцам на косе. Да и потом, мы сейчас никакие, можем не доплыть. Нет, надо ждать утра здесь.

Согласились. Скорее от усталости. Выпили по сто граммов и забылись тяжёлым сном прямо на мокрых рюкзаках. Тела и мозги были настолько перегружены, что, несмотря на вымокшую одежду, паскудное чувство беспомощности, тревоги и опасности, мужики заснули почти мгновенно. Хорошо, что относительно тёплые ночи конца июля не дали друзьям замерзнуть.

На дежурстве первым остался Геннадий. Он оборудовал наблюдательный пункт в траве у воды. Напротив моста. Высоких деревьев на острове не росло, поэтому приходилось довольствоваться прикрытием мелкого кустарника. Глаза слипались. В них явно застрял речной песок. Чтобы не заснуть, Генка курил в рукав, пряча от возможных наблюдателей огонёк сигареты. А ещё он подбадривал себя кофе с коньяком. Сергей отдал ему свой наполненный на предыдущем привале бодрящей смесью термос.

Геннадий Александрович Николишин, для друзей чаще – Гек. Невысокий коренастый крепыш. Седые волосы, стриженные ёжиком, волевой подбородок и цепкие умные глаза (от природы им достался карий цвет) придавали Николишину вид оперативника или сотрудника спецслужб. Впрочем, делом он занимался вполне мирным. Гек имел свой небольшой бизнес, связанный с моделями. Но не с теми, у которых ноги от коренных зубов. Он торговал масштабными моделями всякой военной техники, игрушками и специальной литературой военной тематики. Отцу двоих пацанов приходилось крутиться и выживать в жесткой конкурентной борьбе с крупными акулами – фирмами, готовыми сожрать мелкую рыбёшку. Он также умудрялся при этом ещё и крутиться между многочисленными фискальными и разрешительными структурами, норовящими погреть руки на бедном, вернее сказать, небогатом, предпринимателе. Благодаря цепкой хватке, незаурядному уму и изворотливости, Геку это удавалось. На жизнь хватало. Он безумно любил своих мальчишек, жену и жизнь. Весельчак, балагур, лёгкий в общении и на подъём, подвижный, не способный долго обижаться, – все это делало его душой компании.

Гена прислушался к храпу друзей, доносившемуся до его наблюдательного пункта. Попытался различить рулады, выводимые Игорем. Они с Полковником были братьями-близнецами. Игорь естественно внешне похож на Генку. Младшенький, называл его Гек. В спорах снисходительно похлопывал брата по плечу и напоминал, что он родился на пятнадцать минут раньше. При этом приговаривал: «Нехорошо грубить старшим» и «поживёшь с моё, поймёшь...!». Но старше выглядел, да и как-то серьёзней, Игорь. Жёстче, что ли. Если Гена был, скорее, ведомым, то Полковник явно ведущим. Впрочем, это проявлялось лишь в спорных ситуациях. Порой, Игорь просто упирался и не соглашался с противоположной точкой зрения из элементарного упрямства и духа противоречия. Трудно сказать, являлось ли его упрямство положительным качеством или наоборот. Когда оказывался прав, то положительным, когда нет, то, соответственно – отрицательным, справедливо полагал брат. Обоих объединяли не только кровные узы, но и общие увлечения. Например, любовь к военной истории. Один из Генкиных магазинов располагался в военно-историческом музее. Поэтому у него, с детства интересующегося оружием и всякого рода техникой, была прекрасная возможность ходить по экспозициям музея и запасникам. Гек давно познакомился с мужиками, такими же фанатами истории огнестрельных игрушек и коллекционерами масштабных моделей, работавшими в музее. Это был тот счастливый случай, когда хобби совпадает с работой. Игорёк, как это бывает у близнецов с младенческих лет, увлекался примерно тем же. Он, естественно, не упускал возможности приехать к брату на работу и, по его выражению, «помазать» настоящие пистолетики, автоматки и пулемётики. Близнецы читали с детства много специальной литературы. Игорь даже защитил диссертацию по вооружению фашистской Германии и её сателлитов. Это позволяло пописывать статьи и военно-исторические очерки, что давало не столько дополнительный заработок, сколько возможность самовыразиться. Так что братья разбирались в этой сфере – дай Бог каждому.

***

Два часа, по Генкиным ощущениям, тянулись, как минимум, не меньше полярной ночи. Но он всё же пересилил навязчивые чары Морфея и не дал этому крылатому божеству, сыну Гипноса, уговорить себя. Малейший шорох в траве, всплеск на воде, вскрик ночной птицы, – всё давило на психику, держало в постоянном напряжении и, в общем-то, не позволяло отрубиться.

Игорь оказался прав, – ночь прошла спокойно, и на остров никто не сунулся. Сергей, Игорь и Алексей в свои часы дежурства также не сомкнули глаз, подзаряжаясь разделенными поровну порциями кофе с коньяком. Впрочем, бороться со сном им было чуть легче, чем Генке, всё-таки успели немного прикорнуть.

Лешке перед дежурством повезло давить на массу дольше других. Так распорядился жребий. Алексей караулил покой друзей последним.

Алексей. Он же Лёлик, он же Алекс. Алексей Юрьевич Денисов. 45 лет отроду. Среднего роста, сероглазый, с тёмно-русыми волосами, он казался моложе своих лет. Те, кто его не знал, редко давали Денисову на вид больше тридцати пяти-тридцати семи. И не только потому, что он занимался спортом и вёл по большей части здоровый образ жизни. Алексей выглядел молоджаво ещё благодаря генам, доставшимся от отца и деда. Тем тоже никто не давал их возраста. На достаточно лёгкую фигуру он нарастил довольно рельефные мускулы. Добился этого занятиями восточными единоборствами, которыми увлёкся двадцать лет назад в Пакистане. Трудился там переводчиком на строительстве металлургического завода в Карачи. Тогда в Советском Союзе каратэ и всякие схожие с ним направления боевых искусств попали под запрет, но в городке советских специалистов начальство на это закрывало глаза. К тому же, занятия каратэ там проработали кагэбэшники, которые сами с удовольствием оттачивали восточное искусство.

ство наравне с рядовыми советскими работниками. Разрешение мотивировали тем, что, мол, тогда, в начале 80-х, в Пакистане, в разгар Афганской войны при потенциально враждебном окружении люди на всякий случай должны уметь защищать себя.

После возвращения из Пакистана, Денисов лет на десять забросил спортивное увлечение – женитьба, рождение двоих детей, семейные заботы, быт, рутина, журналистская работа на телевидении не оставляли свободного времени. Но когда Алексей с ужасом заметил, что начал расти пивной живот, мышцы превращаются в маринованную спаржу, а пачка сигарет в день сделала дыхание хриплым паровозным свистком, он всё-таки заставил себя вернуться к здоровому образу жизни. Тогда восточные единоборства в стране уже разрешили, и он нашёл хорошую школу Ушу. К тому же увлёкся изотерическими практиками. Цигун, йога, аюрведа, акупрессура, восточный массаж, медитация, – всё это за три года не только вернули ему форму, но и позволили повысить уровень мастерства. Алексей сошёлся поближе со своим учителем по боевым искусствам. Они стали в какой-то степени друзьями. Сэнсэй Дима, получивший инициацию мастера Будо в шаолинском монастыре, научил его технике секретных, в том числе, смертельных ударов. Правда, сделал он это только когда окончательно убедился, что Алексей ни за что не будет применять их. За исключением ситуаций, связанных с угрозой для жизни. Своей и близких. Таковых не возникало. Пока. И ещё. Мировоззрения Денисова отличались от людей, увлекающихся Востоком и его философией, парадоксальной, казалось бы, особенностью: он был православным. Ходил в храм, иногда причащался. Но сам считал себя, скорее, захожанином, чем прихожанином. Как сам он объяснял сей факт, из восточных практик взял самое лучшее, но глубоко в сердце почитал Иисуса и его заповеди. Всё-таки глубокие русские корни и вера предков давали о себе знать.

***

Довольно густой предрассветный туман не давал разглядеть в бинокль мост. Когда же под первыми лучами выкатившегося из-за горизонта Ярила молочная муть рассеялась, Денисов поднёс окуляры к глазам и обомлел... Мост был в прежнем, разрушенном состоянии. Таким они увидели его в первый раз – ни вооружённых фрицев, ни брустверов или вышек с пулёмётчиками. На одном из разрушенных пролетов сидели три рыбачка и мирно удили рыбу...

В сильном волнении он растолкал ребят:

– Смотрите! Там моста нет! Вернее, есть, но старый! А тот с фашистами э-э..., короче, рыбаки сидят! – Лёшка от смятения сбивался, мычал что-то нечленораздельное, сильно размахивал руками и вращал вылезавшими из орбит глазами.

Вырывая друг у друга бинокль, опять ничего не понимающие мужики стали разглядывать мост. Действительно, утреннее спокойствие и мирная благодать почти лубочной картинки привели их в очередной шок. Ласковое тёплое солнце, пробивающееся весёлыми лучами сквозь растущие на острове деревца, спокойное и ровное течение голубой воды, в которой отражалось почти такого же цвета небо, рыбачки с удочками, – всё это никак не вязалось со вчерашним свинцовым шабашем. Однако, сморщенные, дырявые лодки и ещё не просохшие рюкзаки говорили о том, что случившееся не было кошмарным сном.

– В жизни никогда бы не поверил, что такая мистика – реальность, кавычками её по многоточию, – почёсывая в затылке, произнес Сергей. Профессиональная деятельность наложила на Серёгины присказки свой отпечаток.

– Я не знаю, что это было, может, массовая галлюцинация или мираж, гадать бессмысленно. Как говорил наш трудовик, довольно лирики, пора точить лобзики. Вместо того, чтобы чесать репу и языки, давайте лучше займёмся лодками. – Реалист Полковник не любил сидеть без дела.

Осмотр «Калоши» и «Болта» показал, что все пули попали выше ватерлинии. В принципе, их можно восстановить, но на это уйдёт масса времени: вулканизация в походных условиях – долгая песня. Вообще, слава Богу, что предусмотрительный Генка взял портативный вулканизатор с собой. Практика прошлых БАПов показала, что он необходим. Ведь в лодках, наскაკивавших на разные подводные коряги и топляки, могли случаться проколы. Выяснилось, что вложенные в ремкомплекты кусочки материала для заплаток не взял бы даже Тришка для своего кафтана. Так, разве что мелкие проколы заклеить.

– Ну и как мы будем выбираться с острова? Шеф, всё пропало, гипс снимают, клиент уезжает! – заломил руки Геша.

– Спокойно, Козлодоев, сядем усе! – автоматически включился Лёлик.

– Козадоев, – также автоматически поправил Геша.

– А если серьёзно, – подал голос Серёга, – есть два варианта.

По первому выходило: похерить лодки и переправиться вплавь на «большую землю». Таким образом, их БАП заканчивается, не успев начаться. Правда, тут возникало большое «но». Тяжёлые рюкзаки плавучесть их хозяев приравнивали к плавучести топора. Поэтому с пожитками пришлось бы расстаться. Второй вариант: гонец из Пизы переплывает реку, идет в Кубринск. Там ему надо найти материал для заплаток. Купить в магазине или у местных. Затем плывёт обратно, а здесь они попытаются заклеить свои линкоры.

– Кстати, подойдут и обычные автомобильные камеры, у меня есть суперклей, клеит всё, – сообщил Генка. – Да с вулканизатором, будет крепче оригинала.

– Есть и третий вариант, – вмешался Алексей. – Попросить какого-нибудь аборигена, у которого есть лодка, забрать нас с этого острова вместе со шмотками.

– Ты прав, пожалуй это оптимальное решение.

– Жаль. Так долго готовились к сплаву, целый год ждали и планировали.

– Хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах, – вздохнул Гена.

– Ну и кто поплывет?

– Кто лучше всех плавает?

Друзья украдкой покосились друг на друга.

– Я думаю, что никто из вас не утонет, поскольку известно, какой продукт функционирования организма имеет положительную плавучесть, а вот я, воин добра и света... – начал было Игорь.

– Обоим полетим, как говорил Ролан Быков! – прервал его Серёга. – Я к тому, что плыть должны двое. Мало ли что. Подстраховать, помочь...

– Убаюкать, подгузник сменить, сопли подтереть! – подхватил Игорь, но через секунду, сменив тон, серьёзно добавил:

– Вообще-то Серёга прав. Кстати, непонятно ещё, исчезли ли и те эсэсовцы, ну, которые на косе.

– Такая тишина... Ни тебе звуков мотоциклов, ни команд, никакого движения. Хреново, что из-за излучины не видно косы. Хотя, с другой стороны, оттуда нас тоже не видно.

– М-да, ну что делать-то будем? Может, жребий кинем? – Игорь достал из кармана коробок, вытащил четыре спички, две сделал короче, отвернулся и перемешал с длинными. – Тяните, господа! Короткие плывут.

Перспектива лезть в холодную воду и плюхать метров сто до противоположного берега не радовала никого. Однако другие варианты грозили серьёзными материальными потерями. Чего греха таить, жаль было лодок и туристического снаряжения.

Кислая мина на лице и короткое, но ёмкое непечатное междометие, выплюнутое Геком в адрес доставшейся ему короткой спички, отразили отношение к выпавшему жребию. Через пару секунд с другим непечатным словом к нему присоединился Алексей.

– Итак, господа Прилуков и Кудинов (Прилуков и Кудинов чемпионы мира по плаванию на открытой воде), на вас с надеждой смотрит вся Россия. Пакуй в реку, как говаривал один мой сокурсник. – Игорь по-хозяйски похлопал брата и Лёшку по плечу.

– К чёрту твои шуточки, удот! – Генка беззлобно огрызнулся и поплёлся к своему рюкзаку. Алексей – к своему. Нужно было упаковать в непромокаемый пакет паспорта, деньги, сигареты с зажигалкой. Плыть придётся на одной руке, второй держать одежду над водой.

Сложили компактно в пакеты джинсы, майки и кроссовки. Слишком тяжёлый камуфляж брать не стали.

– Стоп, мужики, восклицательный знак мне в печень! – вдруг остановился помогавший собираться ребятам Сергей. – А не лучше ли дождаться сумерек, чтобы с берега вас не заметили. Что если те на «цундапах» не пропали?

– Нет, не получится. К вечеру нужные магазины, если на том берегу тоже наше время, а не славное военное прошлое, будут закрыты. Да и лодочник к вечеру уже будет пьян.

– Какой лодочник?

– Надеюсь, не тот, который переправляет через Стикс, а тот, кто заберёт нас отсюда.

– Ладно, вы тогда разберите рюкзаки, разведите костёр и просушите что возможно. Может, чего-нибудь горячего пожрать приготовите.

После того, как Денисов и Николишин старший собрались, забросили в топку желудков пару бутербродов с мокрым хлебом и не менее мокрой колбасой, залили холодной водой. Разводить костёр было некогда. Но с голодухи и эти куски показались амброзией.

– Ну вот, теперь плыть станет не так тоскливо.

– Это точно, солдат не умрёт голодным!

***

– Ну, два придурка в три ряда, с Богом. Держа вещи над головой, Геннадий Александрович и Алексей Юрьевич вошли в реку, в которую, как известно, дважды войти невозможно.

– Что-то тревожно мне за брата. – Игорь невесело смотрел на возвышавшиеся над водой головы и руки.

– А за Лёху не тревожно? – спросил Сергей.

– А что за него бояться, он же не брат мне.

– А кто?

– Сам знаешь. – Игорь подразумевал знаменитую фразу из фильма «Брат»: «Не брат ты мне, гнида...» На самом деле он ценил и уважал близкого друга, которого знал вот уже сорок лет, с детства. Просто за шуткой Игорь пытался скрыть реальное беспокойство.

– Ладно, давай разводить костёр, сушить вещи, брат-два. – Глебов побрёл к месту стоянки.

***

– Чёрт поберит нас, кажется, сносит на косу, – заметил Гена, когда парни достигли середины реки.

– Выгребай сильнее.

– Бесполезно, тем более одной рукой.

– Ладно, сдаётся мне, что если те на мосту исчезли, то и на косе вряд ли остались.

Алексей оказался прав. Когда течение вынесло их на плёс, покрытый мелким песочком, ребята не увидели ни эсэсовцев, ни мотоциклов, ни грузовика. Тишь да гладь. Никого. Отдыхались. Оделись. Поднялись на пологий откос, возвышающийся над полосой песка.

На берегу под соснами, наполняющими своим смолистым запахом воздух, на некотором удалении друг от друга стояли врытые в землю деревянные столы и скамейки. Над одним даже был сооружён навес. Между столами виднелась пара черных клякс – остатки костровищ. Пластиковые бутылки и жестяные банки, пластмассовые стаканчики, одноразовые тарелки, щедро разбросанные вокруг, пустые сигаретные пачки и окурки говорили о близком присутствии современных варваров. Народ явно любил здесь шашлычить.

– Слава Богу, кажется, мы в нашем времени! – воскликнул Алексей. – Да, пожалуй, это тот редкий случай, когда отходы цивилизации радуют глаз. Вот только глянь, Игорь. Названия странные. Ни тебе «колы», ни тебе «Спрайта» или «Фанты». Сигаретные тоже странные.

– Угу.

Николишин присел на корточки и почесал подбородок. – Какие-то «Городские», «Стрелецкие», «Столичные», которых давно не выпускают, «Заря». Сроду таких не видел. Ни одной иномарки. Может, местные – до мозга костей патриоты, импортных не курят? Ты прав, этикетки на бутылках... – Гена отбросил ногой одну из пустых ёмкостей. – «Незабудка», «Вишневый аромат» «Лесная сказка»... лимонад сплошной. Водка опять же странная. Ладно, некогда над этим голову ломать.

Он направился к начинающейся на краю поляны просёлочной дороге, склонился над неглубокой колеёй.

– Смотри-ка, ни тебе следов мотоциклов или грузовика, ни тебе отпечатков тяжёлых кованых сапогов супостата. Дорога, скорее всего, ведёт в город. Но всё же хорошо бы осмотреться.

С этими словами Гек выбрал дерево посучковатей. Денисов посадил его.

– Давай Винни, мишка очень любит мёд!

Тот ничего не ответил, только проявил неожиданную проворность и ловкость. Алексей почесал в затылке, вспоминая, как в детстве вместе лазили по деревьям. На одном оборудовали даже нечто вроде домика, который почему-то назывался штабом. Наверное, потому что частенько приходилось вести боевые действия с противником из соседних дворов за место на острове, где росло то самое дерево. Да, столько лет прошло... Речушка под названием Лихоборка давно в трубе...

Оказавшись на верхушке берёзы, Гена осмотрел окрестности в бинокль и крикнул сверху:

– Так и есть, дорога – в город. Отсюда километра три.

Минут через десять гонцы вышли из леса. Перед ними лежало чистое поле со свежескошенной и ошеломительно пахнущей травой. Солнце карабкалось по редким облачкам в зенит. День обещал быть жарким, но пока воздух ещё не раскалился. Правильно, что, предвидя пекло, взяли на этот берег не камуфляж, в котором наверняка бы спарились, а обычные джинсы и майки.

Вместе со светилом поднималось и настроение. И хотя вчерашний инцидент с появлением эсэсовцев, как чертей из табакерки, не шёл из головы, уже не казался таким пугающе реальным. Природа радовалась солнцу, неутомимые стрижи и ласточки стремительно штопали небо. Простор полей вызывал благодное ощущение свободы и безмятежности.

– Слушай, Ген, ты веришь во временные порталы, в возможность обрывов в пространственно-временном континууме и так далее? – задал, наконец, Алексей вопрос, не дающий покоя. – Ты знаешь, я довольно много читал по этому поводу. Ещё Эйнштейн доказал теоретическую возможность... э-э-э...

– Существования временных, так называемых, «червячных переходов», или, как их называют по-другому, «червоточин», – подхватил начитанный Генка.

– Ну, что-то вроде того... Но больше для этого сделал Никола Тесла. Он переплюнул старика Альберта, заявив, что передвигаться в пространстве можно быстрее скорости света.

– Да, плавали, знаем. Понимаешь, теоретически всё возможно в этом мире, и даже машина времени опять же теоретически существует. Ну, это когда мы в мыслях отправляемся в прошлое или будущее, но практически... Генка на секунду задумался и рубанул ладонью воздух:

– Фигня! История и наука на практике не знают подтверждений. Пока.

– Ну не скажи! – Алексей покачал головой. – Есть много загадочных примеров. Взять, скажем, зеркала Козырева или тот же «Филадельфийский эксперимент».

– Да знаю я. Конечно, эта история со временным исчезновением в сорок третьем американского эсминца «Элдридж», кажется уже известна всем. Я сам сомневаюсь ровно наполовину. Фиг его знает, правда это или мистификация века. Многие эксперты склоняются ко второму.

– Эксперты – такие же скептики вроде Серёги с Игорёхой?

– Ты хочешь поговорить об этом? Что ж давай разберёмся. Что ты знаешь об этой истории?

Алексей уже было раскрыл рот, но вдруг остановился и поднял указательный палец вверх:

– Стой! Тихо!

– Что такое? – спросил Гена.

– Слышишь? Это ж-ж-ж неспроста!

Через минуту с ними поравнялся странного вида джип. Денисов поднял руку и тормознул машину.

– До Кубринска подбросите?

– Не вопрос, садитесь, – приветливо согласился водитель.

– Интересное у вас авто. Что за марка? Самоделка? Никогда раньше такую не видел. – Гена по праву считался докой во всякой технике и, прежде всего, в автомобилях, к которым испытывал неподдельный интерес. Ведь в любом возрасте в мужчине живёт мальчишеская любовь к игрушкам. Поскольку Николишин был уже взрослой особью, то игрушки теперь его интересовали, соответственно, взрослые. Покопавшись в памяти, он не нашёл аналогов «бибики», в которой теперь ехали.

– Вы что, с Луны свалились? Или разыгрываете? – мужчина повернул голову и с гордостью произнёс:

– Это же «Союз-1791». Серийное производство. Выпускается с 1991 года в Казахстане недалеко от столицы Алма-Аты. Очень популярен в сельской местности, полный привод.

Ребята на заднем сиденье переглянулись.

– Секундочку, – возразил Алексей, – столица Казахстана – Астана. С декабря 97-го года.

– К тому же, насколько я знаю, никакого завода в Казахстане, выпускающего машины марки «Союз» нет, – вставил Генка.

– Ребятки, хватит дурить старику голову! Какие же машины выпускаются в этой союзной республике.

Геннадий, пропустив мимо ушей канувшее в лету словосочетание «союзная республика», сел на любимую лошадиную силу:

– Ну, во-первых, там производят «Ниву». У меня у самого такая была.

– Первый раз слышу о такой, – опять с удивлением обернулся водитель.

– Во-вторых... – Генка поведал недоумевавшему и с изумлением оглядывавшемуся на него хозяину джипа, что в девяносто пятом на заводе «Актюбсельмаш» было собрано тридцать пикапов «Крайслер» из турецких комплектующих. Правда, сетовал Николишин, цену за них задрали несправедливую! Двадцать восемь «штук» американских рублей. Столько же стоил пиндосовский оригинал вместе с доставкой и растаможкой. Ну и, естественно, бросили в том же году их выпускать. Потом в 97-м лопнул проект по производству корейских «Киа Спортадж». А собирались их клепать аж сорок тысяч в год. Вообще, казахам в девяностые

не везло со сборкой иномарок. В том же 97-м намерились было выпускать в Актюбинске «Хендай Акцент», но чего-то там у них опять не заладилось. Единственный удачный проект – это выпуск «Шкоды» на Усть-Каменогорском заводе. Хотя, опять же дороговато – 13—14 тысяч баксов. – Гена пожал плечами. – В Европе она стоит 10—11. Эту «Шкоду» и нам поставляют. «Шкоду, правда делают ещё и...

– Вы имеете ввиду у нас в РСФСР? И потом, что за «Шкода» такая? Никогда не слышал, – кинул через плечо мужчина.

– Вы что? – Лёшка не обратил внимания, на то, что мужик не знает такой популярной в мире марки чешского автопрома. Он выпучил глаза в изумлении от другого:

– РСФСР уже больше двадцати лет, как не существует. После беловежского сговора в декабре 91-го.

– Какого сговора? – как бы не расслышал хозяин джипа.

– Ну, когда Союз распался! – не выдержал Генка. Странный разговор вызывал у него всё большее раздражение. – Вы что, забыли?

– Вы хотите сказать, что Советского Союза не существует?

– Нет, конечно! – в один голос гаркнули шокированные мужики.

Водитель остановил машину, обернулся и остолбенело уставился на пассажиров. Наконец, его рот расплылся в улыбке, после чего он громко рассмеялся.

– Ну, молодые люди, вы и шутники. Ладно, откуда сами-то?

– Из Москвы. Меня Алексей зовут, а его Геннадий.

– Понимаю. Вы, москвичи, знаю, любите подшутить над нами, деревенскими. Ну да ладно, я не в обиде, молодежи только дай только пошутковать. Вы, часом, не работаете в программе «Розыгрыш недели» на телеканале «Зори России».

– А что, есть такой? – Алексей, будучи тележурналистом, знал или, по крайней мере, слышал почти о всех существующих крупных и даже мелких телевизионных каналах, но такого не припомнил. – Это что местный канал?

– Нет, что вы, всесоюзный, на весь Союз вещает. Очень популярен.

– Какой опять Союз? – Генка наклонился вперёд.

– Высокий рейтинг? – любопытствовал Денисов.

– Высокий что? – абориген как будто впервые услышал новое слово.

– Да так, ничего, и что это за канал и передача про розыгрыш такая?

– Вы разве не знаете? Ах, да, вы точно решили меня вконец задурить! Год-то нынче 2012-й?

– На этот счёт мы не будем устраивать жарких дискуссий. Пожалуй, признаем сей факт, хотя в нашем случае небесспорный, – Алексей задорно подмигнул Генке.

– Весёлые вы, мне нравятся такие. И юмор у вас своеобразный, нестандартный. Меня Николай Иванович зовут, – представился странный хозяин странной машины. – По какой надобности, позвольте любопытствовать, в Кубринск?

Друзья в двух словах, опуская ночные приключения, рассказали, что ещё с двумя товарищами сплавляются по Кубре, что прокололи лодки, и им пришлось высадиться здесь в поисках материала для ремонта.

– Вряд ли вы сегодня чего-нибудь купите. Воскресенье. Я вас к себе отвезу. У меня в паре километров свой дом. Старых камер и покрышек навалом. И клей резиновый найдём.

– Клей у нас есть. А лодки вёсельной у вас часом не найдётся? Может, у соседей? Переправили бы нас. Мы заплатим.

– Нет, ребята, наш посёлок далеко от реки. Вот на машине даже рыбачить ездю.

По дороге Николай Иванович рассказал о рыбалке, с которой он возвращался и о том, какие здесь красивые места. На вид ему было не более шестидесяти. По живому блеску в глазах и весёлому доброму юморку, которым была приукрашена живая речь, довольно прямой

осанке и всему внешнему виду нельзя было сказать, что годы лежали на плечах этого человека непосильной ношей. Выражение лица приветливое, глаза излучали энергию. И если бы не глубокий шрам через всю правую щеку, мужчина мог бы спокойно сниматься в гламурных журналах. Например, сидя с трубкой у камина и потягивая дорогой коньяк, со спокойным взглядом благородного и мудрого пожилого джентльмена, приверженца старых традиций. Когда ребята узнали, что мужику не шестьдесят лет, а за восемьдесят, то чуть не проломили пол машины отпавшими челюстями.

– Как вам удаётся так выглядеть? – в голосе Гены слышался неподдельный интерес.

– Секрет – проще палки-копалки. Физическая работа на свежем воздухе, спорт, изотерические практики, юмор и оптимизм. Но не это главное. Всё это не работало бы без постоянного условия. Основа всего – доброе отношение к людям и восприятие жизни такой, какая она есть. Без условий.

– А вы философ? – удивился теперь уже Алексей.

– Жизнь заставила. Если вы предъявляете к ней претензии, то предъявляете их к Богу. И потом, я даже в самых аховых ситуациях ищу что-то хорошее. То есть, главное – позитивный настрой на всё. Кроме того, я считаю, что неразрешимых проблем нет, есть только разные варианты их решения. Или обходные пути. А ещё нужно всё всем прощать. Местью того, что случилось, не исправишь...

Тут он на несколько секунд замолчал, а потом тихо и задумчиво произнес:

– Впрочем, одну единственную вещь мне простить трудно, хотя я и пытаюсь.

– Кому?

– Фашистам.

Николай Иванович вдруг посерьёзnel.

– Это было ещё во время Отечественной. Мой батька в этих местах председателем колхоза работал... Ну да ладно, дела давно минувших дней. Мы уже приехали, десантируемся.

Пока Николай Иванович накрывал стол на веранде, поговорили о политике. Хозяин и слухом не слыхивал ни о Брежневe, ни Горбачёвe, ни о Путине или Медведевe. Это наводило мужиков на определённые догадки, которые они пока не решались озвучивать.

Сидя на веранде, друзья наслаждались великолепным видом ухоженного сада. Прямые грядки, окученные деревья, дорожки, покрытые ровным слоем мелкой гальки, – всё свидетельствовало о том, что хозяева следят за своим участком не просто с заботой, но и с любовью. По всему чувствовалось, что жить на земле и на природе доставляет им удовольствие.

– Вам кто-нибудь помогает? – не выдержал Алексей.

– Нет, мы с супругой всё сами. Детям некогда, они в Переславле живут и работают. Внуков только на выходные и каникулы привозят. Да и то не всегда. Вот сейчас в Евпаторию собираются. Супружница моя как раз за ними поехала.

– Да как же вы такую красоту без посторонней помощи поддерживаете в вашем-то возрасте? – Генка с восхищением кивнул в сторону огорода.

– Да всё очень просто. Сил у меня хватает, энергии много. Во-первых, это наследственное. То, что я выгляжу моложе своих лет – от отца. Кроме того, мне из Японии знакомый книжку привёз. Здесь уже на русский перевели. Батя, когда я ещё пацаном был, посоветовал. Автор – человек, которому по прогнозам врачей не дано было дожить и до сорока лет. Однако перешёл в мир иной под девяносто. Да и то из-за несчастного случая. Я стал заниматься по его системе. Так сейчас в свои 83 просто летаю, кажется, горы могу свернуть. Сплю по четыре – пять часов, да с женой нет – нет, да и побалуюсь. А ведь ещё лет десять назад я такой букет болезней насобирав – мама, не горюй. Врачи приговор вынесли: если года три, говорят, протянешь, будет чудом.

Чувствовалось, что старик, (впрочем, какой там старик), сел на любимого конька.

По словам Николая Ивановича, обычному человеку трудно вырваться из привычного порочного круга и навязанного социумом стереотипа: рождение – младенчество – детство – отрочество – юность – молодость – зрелость – преклонные годы – старость – смерть. Но может быть по-другому.

Когда Николишин выразил мнение, что по-другому может жить какой-нибудь граф Дракула и прочая нечисть, собеседник не понял, о ком идёт речь, но уловил намёк на мифологию.

– Вы не представляете, на что способен человеческий организм. Он может многое! Ещё как может! Японец предлагает так: рождение – младенчество – детство – отрочество – юность – молодость – молодость – молодость – зрелость – зрелость – зрелость – преклонные годы – преклонные годы – преклонные годы и так далее.

– То есть, вы хотите сказать, что каждый период можно продлить?

– Да!

– Ну и как этого можно достичь?

Хозяин с огоньком в глазах продолжил прищипывать конька.

– От чего человек быстро стареет? От потери энергии. Физической, умственной и духовной. Нужно, чтобы все эти три составляющие находились в гармонии и не растрачивались впустую. Для того, чтобы быть по-настоящему гармоничной личностью нужно не ощущать себя ни телом, ни душой, ни разумом по отдельности. То есть необходимо отрешиться от себя, от своей личности. Современному человеку это почти невозможно, но система работает без сбоев, если все три составляющие притёрты друг к другу и не воспринимаются по отдельности. Этот принцип, кстати, работает и в стрессовых ситуациях. Или в единоборствах. Смог абстрагироваться от внешнего раздражителя, не реагируешь, например, на врага отдельно умом или эмоциями, собрал в кулак, то есть, воедино три энергии – считай, победил. Болезнь, усталость, страх, холод или жару, гнев, раздражительность, да мало ли что ещё можно преодолеть!

– Действительно, – попытался прервать поток сознания Алексей. – Нас этому в единоборствах учат. Да и сам я занимаюсь эзотерическими...

– Кроме того, – перебил Денисова Николай Иванович, – надо следовать законам природы.

По его словам выходило, что их нарушение приводит к болезням. Стало быть, чтобы справиться с недугом, необходимо слушаться матушку-природу. В городе это очень сложно, но и там, при желании, можно приблизиться к ней. Нужно уловить природный ритм, и вечная молодость нам обеспечена.

– А вы уловили? – с некоторой долей скепсиса поинтересовался Генка.

– Кажется, в какой-то степени мне это удалось. Не до конца, конечно, для этого нужно быть дитём джунглей.

– Маугли, – кивнул Гена.

– Кем? – опять не понял Николай Иванович.

– Вы не читали Киплинга? – удивился Денисов.

– Не знаю такого, он писатель?

– Да уж... – Алексей махнул рукой, а хозяин продолжал:

– То, что я избавился от комплекса болячек, в том числе, от одной почти смертельной, означает, что я на правильном пути. Главное, как я уже говорил, – принятие мира таким, как он есть, себя в нем как его частицу – вот закон Вселенной. А люди его нарушают, стало быть, теряют важнейшие способности, данные им Богом, или, если хотите, Природой.

Алексей в душе согласился с Иванычем, самое главное – вера. Вера человека в то, что его организм задуман Всевышним так, что способен самовосстанавливаться после чудовищных потрясений и повреждений. Конечно, за исключением механических, не совместимых с жизнью. А вот сомнения вселяют страх и неуверенность. Люди начинают метаться в поисках ложных путей, находят неправильные решения проблем, которых на самом деле вообще

нет, становятся глухими и слепыми. Пытаются войти в открытые двери, но в упор этих дверей не замечают.

– Вы кто по профессии в прошлом? Философ, врач, физиолог, экстрасенс? На нобелевку не пытались выдвигаться? – Генка не смог удержаться от сарказма.

– Напрасно иронизируете, молодой человек. – Николай Иванович несколько не обиделся. – Чем больше мы проявляем своё недовольство, настороженность, неприятие чего-либо, тем хуже для нас. Доказано, что, чем меньше человек думает о болезнях и боится их, тем реже он заболевает. Чем меньше он настраивает себя на неприятности, тем меньше их происходит. И потом, кто такой инвалид? Это человек не с отсутствием какого-либо органа или конечности. Инвалид – это состояние души.

– Я согласен, вот у нас в спортзале... – начал Алексей.

– Летай иль ползай, конец известен! – угрюмо буркнул Гена.

– Ошибаетесь, – не согласился хозяин. – Смерти нет, есть переход одного вида энергии в другую. Тоже самое происходит и с сознанием. Переход с одного уровня на другой.

– На какой?

– Это зависит от того, как жил и что думал человек во время земного существования. Но, говоря о физиологическом существовании гомо-сапиенса, я могу, по своему опыту утверждать, что возможно затормозить отсчёт биологического времени, то есть старения, и даже повернуть его вспять.

Но по расфилософствовавшемуся Иванычу выходило, что это не всем дано. Например, ленивым – не дано, закоренелым скептикам или вульгарным материалистам – не дано. Ведь для того, чтобы добиться успеха, нужно проделать большую работу над самим собой. Прежде всего, преодолеть собственные косные установки. Эти установки людям навязаны обществом. Но у них есть выбор. С одной стороны, можно верить в то, что нам внушали с детства: человек рождается, чтобы постепенно состариться и умереть. С другой стороны, мы можем не верить этой сомнительной истине. Что если человек родился для счастливой жизни? Что если он наделен безграничными возможностями, позволяющими полностью творчески реализовать себя, способен возрождать свою молодость и здоровье, черпать энергию в самом себе и в природе?

Николай Иванович вдруг посмотрел на часы и сказал:

– Вот я старый осёл, заболтался, а вас друзья ждут. Ну, пойдёмте в гараж, посмотрим камеры, выберете поновей. Кстати, не могу понять, но почему-то мне ваши лица кажутся знакомыми. Странно. На имена память плохая, а вот если познакомлюсь с человеком, то лицо уже не забуду никогда. Такое впечатление, что я вас когда-то видел.

Ребята в ответ пожали плечами.

Хозяин открыл небольшой сарай, который он называл гаражом. Гена с Алексеем вошли внутрь и ахнули. Перед ними стоял новёхонький, словно только что вышедший из заводских стен камуфлированный немецкий мотоцикл военных лет – «цундап» с коляской...

– Трофейный, – небрежно бросил хозяин.

***

– Да, изрядно промокли вещички, – констатировал Сергей, открывая рюкзак. Разводить костёр пока не имело смысла. Солнце припекало, усердно исполняя, кроме обеспечения жизни на Земле, роль сушилки. Одежда под его лучами должна просохнуть часа за два-три.

После того, как ребята разложили на солнцепеке вещи, делать, в общем-то, было нечего. Глебов размотал удочки и решил искупать червей и опарышей, купленных ещё в Москве. Любил он это дело. В смысле, рыбалку. Знал в ней толк, хитрости там разные, особенности клёва определённого вида рыб и всё такое прочее. Поэтому непременно обходил ребят в улове. А ещё любил и, главное, умел готовить отменную уху. В походах и на рыбалке она всегда была

коронным Сережкиным номером. Наваристая, душистая, с дымком, да под стопарь водочки, вспоминалась потом целый год.

Сергей Юрьевич (тёзка по отчеству с Денисовым) Глебов, для друзей – Серж или Глебыч, а иногда называемый друзьями Писателем, был младше ребят на два года, но на вид казался старше. Внешне чем-то напоминал известного друга животных Николая Николаевича Дроздова, только моложе. Такой же высокий, худощавый, с наметившейся лысиной и седеющей шкиперской бородкой. В голубых глазах отражалось спокойствие и философская мудрость. Выдержанный, без ярко выраженных внешних проявлений эмоций, он вселял в окружающих чувство уверенности. В то, что всё будет хорошо. Или не будет. Интроверт по натуре, в компании Алексея и близнецов раскрепощался, шутил, веселился, балагурил наравне со всеми, при этом, не пытался понравиться и оставался самим собой. Глебов также как и Денисов был журналистом. Только в отличие от Алекса работал не на телевидении, а в газете. Причём, занимал довольно высокий пост в редакционной иерархии. Кроме того, Сергей действительно был писателем. Из-под его пера вышли около десятка книг, включая сборники рассказов, повестей и несколько романов. Благодаря феноменальной памяти, друзья и коллеги называли начитанного до краёв Глебыча ходячей энциклопедией. Хороший образный язык делал его прекрасным рассказчиком. А ещё он частенько любил в разговоре вернуть цитату из классиков, современных писателей или поэтов. Но не только он один. Все ребята, книгочеи, обожали померяться эрудицией и пофехтовать афоризмами, меткими высказываниями и цитатами. Кроме того, Серж великолепно знал немецкий и баловался переводами современных забугорных коллег. А как он готовил! От его стряпни невозможно было оторваться. Но литературную деятельность Глебов всё же предпочёл кулинарной. Николишины познакомились с Сергеем Глебовым в Институте культуры, который вместе и закончили. Дружеские попойки, вечеринки, «картошка», общие интересы и увлечения, любовь к литературе, вылазки на природу, – всё это сблизило ребят. После армии отношения переросли в настоящую крепкую дружбу. Затем близнецы познакомили Лёху с Серёгой. Найдя друг в друге близких по духу людей, Глебов и Денисов сошлись, компания стала общей. С тех пор у каждого нет ближе и надёжней друзей.

Через пару часов в садке плескались четыре леща граммов на четыреста-пятьсот каждый, десяток окуней и несколько приличных плотвичек.

Пока Серёга разделявал рыбу и чистил картошку, Игорь развёл костер. Затем нарезал овощи для салата. В реке охлаждалась бутылочка водки. С тех пор, как Лёшка с Генкой покинули остров, прошло около трёх часов. Друзья ожидали их появления с минуты на минуту, предвкушая вкусный обед в старой доброй и, как всегда, весёлой компании. Прошёл ещё час, а гонцов всё не было. Игорь нервно прохаживался взад-вперёд по берегу, поглядывая в бинокль то в сторону противоположного берега, то на всякий случай, на мост и часто курил.

– Чё-то я очкую, – наконец произнес Полковник.

– Да успаку-у-уйся. Я и сам сто раз так делал. Не паникуй раньше времени, – попытался подбодрить его Сергей. – Мало ли какие обстоятельства. Может, им на пути попалась молочная ферма, а доярки не хотят отпускать таких быков-производителей.

***

Выходя с гостями за калитку, хозяин виновато произнёс:

– Извините, братцы, отвезти к реке, к сожалению, не могу, супруге обещал до вечера огород вскопать. Двенадцать соток, хоть и не много, но всё же...

– И вы это один собираетесь?

– Зачем один, с Лениным в башке, с лопатой в руке. Да вы не волнуйтесь, у меня ручной мотоплуг есть.

– Огромное вам спасибо, Николай Иванович, вот... – Генка полез в карман.

– Деньги предложишь, собаку спущу! – И даже углубившийся на правой щеке шрам не испортил обезоруживающую улыбку. – Идите всё время этой дорогой, а на том месте, где я вас подхватил, чуть правее возьмите, метров через пятьдесят тропинку увидите. Она вас прямо к «шашлычной» приведет. Так короче.

– К какой «шашлычной»? – удивился Лёшка.

– Ну, там, где столики на берегу стоят, и где местная молодёжь отходами цивилизации срёт. Вы ведь там высадились?

– Да, верно.

– Извините, можно напоследок бестактный вопрос? – не удержался Алексей. – Вы, я знаю, не обидитесь.

– Валяйте.

– Откуда у вас этот шрам?

– Долгая история. Во время войны, я пацаном был. Фашист один... Ну да ладно, ребятки, это действительно долгая история. Не обижайтесь, вам пора.

Мужики, снабженные старыми автомобильными камерами, вышли со двора Иваныча и взяли направление к реке. Долго шли молча, переваривая услышанное за время общения с радушным хозяином.

– Этот трофейный «цундап»... – начал первым Алексей.

– Я тоже подумал, – прервал его Гена. – Но даже не это главное. Его неизвестной миру марки машина, разговоры о Советском Союзе... да чего там, Маугли даже не знает. Каждый ребёнок...

– Да, генсек компартии, фамилии членов политбюро, незнакомые, странные названия структур, фирм и прочего. Ленина только упомянул... Либо он не в себе, либо мы сейчас в параллельной реальности.

Ребята договорились до версии, что, возможно, ход истории в прошлом изменился, и друзья оказались хоть и в 2012-м году, но мир развивался по-другому. Впрочем, из слов собеседника можно предположить, что изменилась история не кардинально, а так, небольшая коррекция.

– Да, – кивнул Денисов, – ты помнишь фразу, мол после взятия Берлина в ноябре 1946 года, его дивизию перебросили на Японский фронт, где он получил контузию при взятии... э-э-э..., забыл название.

– Лишучжэня.

Ребята согласились, что они правильно сделали, что не стали поправлять оговорку хозяина насчёт победы Советского Союза в Отечественной в 46-м году. Но, если допустить, что слова Иваныча – правда, то война кончилась на год позже, чем в их родной реальности.

Минут пятнадцать шли без разговоров. Каждый думал о своём. Начавшийся лес дарил прохладу. Присели на поваленное дерево и решили передохнуть, а Генка перекурить.

– Не нравится мне всё это. – Взгляд Алексея казался отсутствующим. – Может, нас и дома-то не ждут. А то ещё его и нет у нас теперь вовсе, родители не те, и мы их не узнаем? Жёны, дети...

– Нет, если мы родились и так выглядим, то родители те же самые, а вот жёны, дети... У кого-то есть, у кого-то нет. И вообще интересно, те же ли самые? А вероятно, что жёны те же, а дети другие? Ну, внешне похожи, а по характеру отличаются от тех, кого мы воспитали?

– Охренеть можно! Слушай, давай сходим в город, посмотрим, что и как, поговорим с людьми? По обстановке, по разговорам, по тем же машинам поймём, кто сбрендил, мы или Иваныч.

– Why бы да и pot, как говорят у нас в деревне мужики, – кивнул Генка, – но нас ребята ждут. Серёга наверняка уху замутил. Сегодня починим лодки, переночуем на острове, а завтра пристанем на привал у какой-нибудь деревни и всё разузнаем.

– Что ж, наверно ты прав, ребята точно заждались, – согласился Алексей. – Скучно им без нас водку пить, которая наверняка уже стынет. А посему хорош курить, пошли быстрее. Однако ни ухи поесть, ни выпить вместе вчетвером друзьям в тот день так и не удалось.

***

– Лучше бы поплыл я. – Игорь нервно ёрзал на раскладном стульчике возле импровизированного столика из рюкзаков и поглядывал на противоположный берег.

Сергей ничего не ответил и налил по стопке. Не дождавшись друзей, они все же решили поесть ухи и хлопнуть по паре рюмок.

– Согласен, ожидание в бездействии – кошмар, восклицательный знак мне по темечку! Ладно, думаю, всё будет хорошо. Давай хряпнем за успех нашего безнадёжного мероприятия. Я имею в виду БАП. Может, продолжим ещё.

Ребята подняли походные латунные стопки, чокнулись, выпили. Игорь зачерпнул из миски полную ложку, втянул ноздрями дурманящий запах наваристой ухи, подул, открыл рот, но так и застыл, – безмятежную, распаренную солнцем тишину разорвал звук автоматной очереди. Стреляли на противоположном берегу. Примерно там, где утром высадились Генка с Лёшкой. Игорь резко вскочил, пролив часть содержимого миски на себя. Сергей, коротко матюгнувшись, кинулся к палатке за биноклем.

***

За несколько минут до того как Полковник и Писатель сели за уху, Геннадий и Алексей закончили короткий привал, перекинули через плечи как шинели-скатки автомобильные камеры, которыми Николай Иванович снабдил путешественников, и двинулись сквозь лес по тропинке. Её, по описанию старика, они отыскивали довольно быстро.

– Вон уже вода видна, – Алексей оглянулся на шедшего сзади Генку и ускорил шаг. – Я уже чую запах ухи.

– Хальт! Хенде хох! – кто-то гортанно гавкнул сзади. Денисова мгновенно пробили размером со спелый виноград мурашки, – голос был явно не Генкин. Лязг затвора также не предвещал ничего хорошего. Они медленно повернулись. Перед ребятами на расстоянии пяти-семи шагов стояли офицер в полевой эсэсовской форме (парни поняли это по черным с двумя молниями петлицам) и пара автоматчиков по бокам. Холодная воронёная сталь двух MP-40, которые в простонародье почему-то ошибочно называли «шмайсерами», зловеще поблескивала в пробивающихся сквозь листву солнечных лучах. Из дул, направленных ребятам в грудь, веяло смертельной тоской.

– Мужики, вы чего тут, кино снимаете что ли? – начал Генка и сделал шаг навстречу эсэсовцам. Один из автоматов харкнул порцией свинца. По перепонкам ударила оглушительная дробь. Крошка скошенных веток и листьев легла на волосы и плечи оторопевших друзей. Рефлекс – и в долю секунды морды оказались на земле во мху, руки прикрыли головы. Как будто это могло защитить от пуль. Полупустая пачка «Marlboro» с подаренной братом зажигалкой внутри отлетела в кусты.

– Вы что творите? Мы... – Алексей попытался приподняться на локтях. Резкий удар сапогом в правое подреберье, пронзившая внутренности, словно шилом боль и звездный хорост в глазах отбили у него охоту к дальнейшему вербальному общению. Эсэсовцы, или кто они там были, напротив, решили высказаться:

– Ауфштейн, кертмахен! Шнель, Иван!

– Яволь, Фриц! – попытался пошутить Генка, принимая всё происходящее за какой-то спектакль абсурда. И поплатился ударом сверху по почке. Этот весьма ощутимый аргумент людей в эсэсовской форме и, главное, оружие с боевыми патронами заставили мужиков быть более послушными.

Впрочем, Алексей не удержался и вполголоса, чтобы его не слышали недружелюбные военные, пробормотал:

– Мало вам навалили в сорок пятом.

– Швайген! Форвартс! Ком! Ком!

– Ну, это понятно! Еще «лос, лос» не хватает.

***

Для хозяйничающих мужиков на части суши, окружённой водой, автоматная очередь явилась громом среди ясного неба. Поскольку с острова коса не просматривалась, Глебов пригнулся и ломанулся сквозь кусты к тому месту, откуда можно было разглядеть мост. Полковник было двинулся за ним.

– Стой здесь! – неожиданно твёрдо для самого себя произнес Глебыч. – Сначала я посмотрю.

Отсутствовал Сергей недолго.

– Ты не поверишь!!! Немцы со своими пулемётами на месте!!! Мост опять с вышками цел и невредим. Хотя этого не может быть, потому что, как ты сам прекрасно понимаешь, не может быть никогда. Уж не палёную ли водку мы приняли. Глюки? На, – Глебов протянул Игорю бинокль. – Хочешь – сползай, сам посмотри.

– Значит та очередь на берегу... – Игорь машинально взял бинокль и пополз убеждаться, что друг не разыгрывает его. Когда Полковник вернулся, на нём лица не было.

– Если брата и Лёху убили... – голос Полковника дрожал.

– Рано выводы делать, – покачал головой Сергей. – Может быть, они в воздух пальнули. Мол, стой, стрелять буду. Скорее всего, парни свинтили, где-нибудь спрятались и ждут темноты, затем переправятся. – Голос Глебова звучал неубедительно.

– А если нет? Короче, надо плыть. – Казалось, Игорь принял решение. – Если не прямо, я – пациент Кашенко.

– А я сойду с ума от того, что происходит: то в жопу хомячка, то из жопы хомячка, в смысле – то фрицы есть, то нет, то опять появились.

Секунду помолчали. Потом Сергей положил руку на плечо понурившегося Полковника.

– Именно сейчас на тот берег нам можно, как «Пуси Райот» с концертом в Храм Христа Спасителя! Естественно, мы поплывем. Вопросы нет, и поплывём вместе! Но только вечером, когда стемнеет.

– Блин! Сейчас! – Игорь не мог успокоиться. И Серёга его понимал, как всегда понимал друзей, с которыми съел ни один пуд соли. Вообще, все четверо были настолько крепко спаяны, настолько близко знали друг друга, кто чем дышит, кто куда смотрит, к чему привязан, настолько тонко чувствовали желания и душевные порывы каждого, что, порой, не нужно было слов. Глебов чувствовал, – сейчас Игорь, практически всегда хладнокровный и не поддающийся панике, из-за беспокойства о брате был не в состоянии здраво мыслить. Поэтому Сергей терпеливо, спокойным тоном, как расстроенному ребёнку начал объяснять:

– Понимаешь, старик, сейчас нас наверняка заметят и с моста, и когда появимся из-за излучины, с косы. Выловят подсачиками или нашьпигуют свинцовыми грузилами так, что будем на дне джиг-приманками для рыб.

– Что делать?! Что делать?! Надо продумать план действий! – не унимался Игорь.

– Какой план? Приставкой тебе по суффиксу! Его составляют, когда имеют хоть какие-то данные. А нам неизвестно, что произошло, куда идти, где искать.

– Русский народ не имеет плана действий. Он всем страшен своей импровизацией. И потом, не сидеть же просто так, надо что-то предпринимать! – Игорь всё же взял себя в руки.

– Паковать герметично вещи, для заплыва. Надо продумать, что взять, как это компактно разместить в пакетах.

***

Что чувствует человек, когда на него направлено дуло автомата? Да вообще любое оружие. Даже обычный кухонный нож. Когда он точно знает, что в магазине и в патроннике не пластмассовые шарики. Скорее всего, он либо впадает в ступор, либо паника заставляет поступать неадекватно, лихорадочно дёргаться и суетиться, что раздражает вооружённого. Другие в такой момент начинают судорожно соображать и искать выход из сложившейся ситуации. Бывает, что особо впечатлительные натуры обделываются. И за эту психосоматическую реакцию бедолаг нельзя винить а, тем более, смеяться. Бывает наоборот, человек собирается и мобилизуется. Всё зависит от склада нервной системы, психического состояния, эмоциональной закалки и, возможно, ещё от жизненного опыта. А он подсказывал сейчас Николишину и Денисову, что, если их не прикончили сразу, то какое-то время удастся пожить. Значит, есть ещё, пусть и небольшой, но всё же шанс на спасение. Поэтому произвольная дефекация ребятам не грозила.

– Гек, как ты думаешь, наши слышали выстрелы? – спросил Алексей.

– Стилшвайген! – офицер угрожающе повёл вальтером и, указал направление в сторону опушки леса:

– Ауфмарширен! Ком! Шнель! Флинк!

– Кажется, к нам поступило приглашение направить стопы в сторону любезно предоставленной нам автоматизированной механической повозки, – Генка указал рукой в направлении опушки. – Смотри, там за деревьями грузовик. Надеюсь, с кондиционером. Гостеприимные добрые люди, но с плохими манерами, решили подвезти нас до берега.

Алексей рассеянно слушал Генкин трёп, за которым угадывался плохо скрываемый страх. У него у самого мысли в голове прыгали словно бешеные обезьяны в клетке. Он редко, когда был чем-то испуган или выходил из себя (боевые искусства и психологический аутотренинг приучили не бояться ни соперников на ринге, ни хулиганов на улице, воспитали в нём невозмутимость и философское отношение к негативу), но невероятность и, в то же время, реальность происходящего, возможный очень-очень нехороший исход всей этой истории – всё это вызывало сейчас произвольную внутреннюю дрожь. Сказывалось длительное отсутствие в «мирной жизни» настоящего стресса и опасности. А ещё, пока шли к машине, иглой прошивала мозг тревожная мысль:

«Как там семья? Кто позаботится о жене и детях?»

Внутреннее состояние Николишина было не лучше. Он вспомнил Толстовского Петю Ростова. «Неужели меня, того, которого все любят, вот сейчас не станет...» Да, сознание никогда не смирится с фактом исчезновения самого себя.

Когда подошли к опушке и увидели грузовой камуфлированный «опель», голос Денисова прозвучал нетвердо:

– Происходит что-то за пределами нереального. Может быть, это всё-таки розыгрыш? Жестокий, но розыгрыш? Помнишь, у Пельша были фантастические разводки.

– Ага, с настоящими пулями и крутым рукоприкладством? До кровянки?!

Геннадия и Алексея с помощью пинков и гавканья на немецком затолкали в машину.

В кузове, покрытом брезентом, уже находилось человек десять в гражданском. Женщин не было. Синяки и кровоподтёки на лицах некоторых пленников говорили о том, что с ними не церемонились. С двух сторон у заднего бортика на жёсткой деревянной скамейке сидели два автоматчика в камуфляже. Тяжелые взгляды из-под касок сверлили людей, оказавшихся в кузове. Сзади через пологи брезентового тента за грузовиком просматривался мотоцикл, навязчиво тархтевший движком. Один дюжий фриц в надвинутых на глаза мотоциклетных очках в собранном напряжении располагался за рулём, другой в коляске. Закреплённый на ней MG-38 по-хозяйски приглядывал за грузовиком. О побеге мог мечтать только самоубийца.

– Ребята, вы наши? Откуда? – подал голос сидевший рядом с новыми пленниками мужичок в залатанной рубашке и выдавшей виды кепке.

– Наши, наши, – заверил его Гена, и хотел что-то добавить, но немцы посмотрели на них так, что можно было и не колыхать воздух командой заткнуться.

Грузовик трясся по ухабам, минут пятнадцать, охаживая деревянными скамейками задницы пассажиров. Глаза постепенно привыкли к полумраку, и парни могли теперь более внимательно разглядеть находящихся в кузове людей. «Лица их были угрюмы и худы, а вместо покоя жизни они имели измождение», – вспомнилась Алексею фраза Андрея Платонова из романа «Котлован». Одежду шил явно не Иосиф Наумович Слонимский (знаменитый модный советский портной). Ту, во что были одеты пленники, носили обычно в 30—40-е годы в сельской местности. Обычные широкие штаны, у некоторых рубашки-косоворотки, а на ногах грубые рабочие ботинки. Один из мужиков, правда, отличался от других. На нём был пиджак и добротные сапоги. Держал голову прямо, даже как-то горделиво. Новых пленников рассматривал пристально и внимательно, не пряча глаза. Во взоре не читалось ни отчаяния, ни страха. Манера держаться говорила о том, что это, скорее всего, кто-то из местного начальства. Возможно, председатель колхоза, сельсовета, парторг или ещё кто-нибудь в этом роде.

Рядом с ним сидел пацан лет десяти-двенадцати. Он жался к мужчине и с тревогой косился на автоматчиков.

– Ничего, ничего, сынок, – время от времени тихо приговаривал мужчина и гладил мальчика по голове. – Всё будет хорошо.

Грузовик остановился у какого-то сарая. Когда попаданцы вместе с остальными спрыгнули на землю, перед ними открылась странная картина. Невдалеке виднелись деревянные домишки, огороженные покосившимися кое-где заборами, лабазы, амбары, сараи. Несколько чёрных печных труб траурными стелами возвышались на местах пепелищ. Деревня, казалось, была накрыта, безжизненным тяжёлым саваном зловещей тишины. Ни лая собак, ни мычания коров, ни кудахтанья кур или хозяйского кукареканья петухов, – ничего не говорило о том, что здесь течёт мирная жизнь. Даже птицы не пели. Какой-то могильной жутью веяло от всей этой обстановки.

Людей построили в шеренгу и повели к длинному сараю в одном из дворов. Обогнув угол, пленные остановились как вкопанные. По шеренге прокатился гул.

– Ох, мать честная!!! Средневековье какое-то!!! – вырвалось у Генки. Шок, казалось, сковал дыхание. На сколоченном деревянном помосте стояла виселица. В петлях, на ветру покачивались пять тел. На груди казнённых висели картонные таблички. Три из них гласили: «коммунист». Двоим другим жителям деревни, по мнению карателей, не повезло с национальностью.

Людей заперли в большом длинном сарае. Он оказался конюшней с пустыми рядами стойл. В дальнем углу высилась бесформенная куча сена. На ней, кто как мог, разместились измотанные пленники.

– Во влипли! – Генка с кряхтеньем повалился спиной в сено.

– Посмотрим, чем закончится этот сюжет. – Скрестив ноги в позе лотоса, Алексей начал погружение в медитацию.

– Репортаж с петлёй на шее?

Денисов не ответил.

Для Генки время превратилось в липкую вязкую тянучку. Для Алексея, ушедшего в астрал, перестало существовать. Гена знал, что друг кроме занятий разными стилями восточных единоборств увлекается всякими эзотерическими и медитативными практиками. По-доброму позавидовал. Между тем, вечерело.

***

В сарай в сопровождении автоматчика и человека в штатском вошёл оберлейтенант в полевой форме с черными петлицами. Обвёл пленников тяжёлым пристальным взглядом и заговорил на немецком. Штатский выждал паузу и хорошо поставленным голосом на правильном русском языке, без акцента, начал переводить. Алексей, давно вышедший из астрала, про себя отметил, что переводчик на местного, деревенского «фашистского прихвостня» не похож. С достоинством держится. В лице – признаки породы. Светлые волосы, голубые глаза, подбородок, как пишут в романах, волевой. Этаким типаж, сошедший с немецких военных плакатов, пропагандирующих чистоту арийской расы. Но главное – выражение глаз. В них не читалось ни ненависти, ни гнева, ни волнения или настороженности. В них не читалось ничего. Они были пустыми и смотрели прямо перед собой, не фокусируя внимания ни на чём. Голос звучал без эмоций. Интонации равнодушные. Словом, можно было бы сказать: истинный ариец, характер нордический, безусловно владеет русским языком.

Речь оберлейтенанта сводилась к обещаниям райской жизни тем, кто согласится сотрудничать. Мол, недовольные Советской властью, могут исправить положение и стать настоящими хозяевами собственной жизни. Германское командование обещает, что семьи согласных будут обеспечены полным достатком. Коммунисты прекратят грабить и забирать нажитое честным, тяжёлым трудом, поскольку их, этих самых коммунистов, уже не будет. Гер оберлейтенант предлагает работать на великую Германию, которая освободит Россию от большевистского рабства.

– И возьмёт в рабство фашистское! – послышался из глубины конюшни выкрик. Переводчик наклонился к офицеру и что-то прошептал. Тот кивнул и обвёл пленных убийственным взглядом. Затем бросил «арийцу» короткую фразу. Тот перевёл.

– Кто это сказал? Давай, выходи, храбрый портняжка! – при этом ни глаза, ни интонация штатского опять не выражали ничего.

«Зомби какой-то», – подумал Алексей.

В конюшне повисло тяжёлое молчание.

Офицер гавкнул что-то по-немецки и резко вышел. Переводчик, чуть задержавшись на пороге, отдал вполголоса непонятную команду автоматчику, затем повернулся к пленникам:

– Неважно, кто это сказал, но, если ты не можешь ответить за себя, за тебя ответят другие.

То, что произошло дальше, и какое это произвело впечатление на и без того находящиеся в отчаянии людей, с трудом поддается описанию.

Солдат передернул затвор автомата. Грохот очереди хлестанул по ушам. Две пули попали в грудь стоявшему перед Генкой мужчине, одна – в голову. Кровь и куски мозга, вырвавшиеся из затылка, брызнули Николишину в лицо. Пули, встретив некоторое препятствие в виде человеческого тела, пройдя сквозь него, чуть-чуть изменили траекторию и прошли в нескольких сантиметрах от Генки.

Скорость смертоносного свинца была настолько велика, что мужика не отбросило назад. Слегка лишь дёрнулась голова. Залихвацкая кепка отлетела в сторону. Несчастный как будто несколько мгновений колебался, падать или нет, затем медленно и как-то неуклюже стал зава-

ливаться на Геннадия. У обычных людей, не прошедших мясорубку войны, вид такой внезапной смерти человека, вызывает шок. И мощнейший удар по нервной системе.

Гена, размазывая по лицу кровь и кусочки мозга, присел на корточки. Его вырвало.

Председатель, как про себя назвал мужика в пиджаке Алексей, кинулся к лежащему в луже крови односельчанину.

– Илья, Илюша! Как же так?! Сволочи, уроды, гады! – это был крик души.

– Дядя Илья!!! – пацан кинулся вслед за отцом.

В ответ очередь автоматчика, вышедшего за дверь, прошила её деревянные доски. На этот раз никого не задело, но несущий смерть свинец заставил пленников шарахнуть назад и замолчать.

Гена, справившись с рвотным рефлексом и вытерев рот соломой, отупело смотрел на распластавшееся в луже крови тело. При этом его колотила сильная дрожь.

– Слушай, Лёх, этот мужик стоял передо мной, а если бы его не было?

– Но ведь он там оказался. Всё! Это уже позади, в прошлом, поэтому думай о том, что здесь и сейчас, – попытался успокоить друга Денисов и сел рядом.

На то, чтобы успокоится и прийти в себя, Николишину потребовалось минут десять, но чёрные мысли не хотели покидать его. Гек встал и подсел к Председателю, прижимающему к себе дрожащее тело пацанёнка.

– Что происходит? Что всё это значит? Кто вы? Почему... – Гена попытался разговором отвлечься от ужасной сцены, всё ещё стоящей перед глазами.

– Плохо дело, ребята, – почти шёпотом произнёс мужчина.

Разговорились. Мужик действительно оказался председателем местного колхоза. Рассказал, как уехал в соседнее хозяйство перенимать опыт. А когда приехал в Ведомшу, не мог ничего понять. От многих домов одни головешки да печи остались, в деревне никого нет. Только скот да несколько лошадей кое-где бродят по улицам. Увидел повешенных. Тогда и ума не мог приложить, что произошло и чьих рук дело. Вроде бандитов всех переловили еще в тридцатые. А фашистов здесь быть просто не могло, да и незачем им сюда, – фронт за сотни километров, а стратегических и военных объектов, кроме недостроенной плотины в округе отродясь не наблюдалось. Её строительство прекратили в начале 30-х за неперспективность. Нечего здесь диверсантам делать.

– Да и не занимаются десантники и разведчики карательными операциями, – Генка почесал подбородок. – А как вы в «опеле» оказались? За несколько километров от деревни?

– В лесу с остальными на делянке меня загребли.

Иван Федотович, так звали председателя, рассказал, что после того, как увидел опустевшую деревню, вскочил на соседскую лошадь и поскакал на делянку. Там деревенские мужики лес валили. Делали заготовки дров на зиму. Решил проверить, не осталось ли там кого. Только выехал на делянку, а тут «хенде хох» и – в грузовик. А в кузове уже мужики сидят и сын его Колька. Днём раньше пацан отпросился у матери на лесоповал на пару дней. И хотя в отсутствии бати Колька оставался единственным помощником у матери, она всё же разрешила мальчишке два дня поработать с лесорубами. Для парнишки – романтика. Кроме тяжёлой работы, обещали быть рыбалка, посиделки у костра, уха под байки мужиков о старых временах. Ночевали в срубе, который ещё несколько лет назад в лесу поставили. Для бригады места хватало. Там и инструменты хранили, чтобы каждый раз не таскать с собой. Вяленую рыбу и кабанятину как НЗ оставляли в нычке.

– Теперь наверняка кто-то из наших выдаст, что я председатель, да ещё и коммунист. Не выдержат мужики побоев и издевательств. Поэтому даже и от вас не скрываю. Похоже, мне хана, – грустно произнёс председатель.

– Батя! Батя! – пацан обнял мужчину за шею. – Они тебя не убьют?

– Нет, сынок, успокойся.

Размазывая слёзы по щекам, мальчишечка никак не мог совладать с собой. Наверное, предчувствовал что-то нехорошее.

– Ну, хватит, Коля, ты же мужчина. Мужчины не плачут.

«Плачут, ещё как плачут», – подумал Алексей, вспомнив своё состояние и катившиеся из глаз помимо воли слёзы, когда фактически на его руках после долгой изнурительной болезни умирал отец.

– Я ещё мальчик, а не мужчина! – не унимался парень. – Я хочу, чтобы ты жил долго, и я хочу жить.

– Я тебя в обиду не дам. А, жить Колёк, ты будешь долго и счастливо. У меня в Москве был друг, – уже обращаясь к ребятам, продолжил Иван Федотович, – в Японии работал, по иностранному ведомству. Язык знал. Расстреляли его наши энкэвэдэшники за измену родине... шпионом признали. – Председатель замолчал. Затем заговорил опять:

– Так вот, он встретил там одного человека. Кацудзо Ниши его звали. Он систему здоровья создал. Человек, по его понятиям, может жить без болезней до ста лет. А может и больше, если захочет.

Гена и Алексей переглянулись. Об этом японце они слышали от выручившего их автомобильными камерами Николая Ивановича.

– Книгу написал о своей системе, – продолжал председатель. – Если повезёт, найди её, Коля. Мы же не будем вечно в оторванной от остального мира стране вариться. Может быть, в библиотеке, в центральной, в Москве.

– Николай Иванович, «Союз 1791», «Цундап», с Лениным в башке, с лопатой в руке, – пробормотал Гена, глядя на маленького Колю. Правда, шрама на щеке мальчика не было. Потом перевёл взгляд на Ивана Федотовича.

– Ёлы-палы, да вы не такой уж простой, сельский председатель колхоза.

– Да, я в Москве на заводе работал инженером. В октябре семнадцатого примкнул к революционерам. Потом в партию вступил. В тридцать втором она меня сюда послала село поднимать. Из «двадцатипятипятитысячников» я. Кстати, вижу, вы тоже не из простых. Эвона, как одеты. Что за штаны у вас такие?

– Да это обычные джинсы, – простодушно ляпнул Алексей. Сообразив, что это ничего мужику не говорит, добавил:

– Это недавно совсем в Москве стали шить, по американской лицензии.

– До войны что ли? Да, давненько я не был в столице. Как вы думаете, устоит белокаменная против супостата?

Генка оживился.

– Ха! Устоит?! Битва под Москвой станет началом разгрома Третьего рейха. Когда Десятая резервная армия Голикова, сформированная в районе Рязани из сибирских полков, а Тридцать девятая, Пятьдесят восьмая и Пятьдесят девятая, в районе Рыбинска, я уж не говорю о Первой ударной армии на Московском рубеже... И вот когда Тимошенко, Конев и Ерёменко...

Алексей легонько толкнул локтем друга в бок.

– В общем, мы верим в победу, – Алексей, пытаясь переключить внимание выпучивших глаза Ивана Федотовича и Кольки. Потом как будто вдруг что-то вспомнив, полез в карман, а про себя подумал: «Ну, прямо как в кино...»

– Эй, Коля, жвачку хочешь? – Денисов достал пластинку жевательной резинки.

– Что это? – мальчик немного отвлекся от своих тревожных мыслей.

– Ну, это как конфета, только нужно жевать и не глотать. Потом, когда вкус пропадёт, выплюнешь.

– Что же тогда это за конфета, если её проглотить нельзя? Леденец?

– Поэтому и называется жвачка. Попробуй – поймёшь.

– А вы, часом, не американские шпионы? – напрягся слегка председатель. – Жвачка какая-то, штаны американские. Да и вообще, странные вы. Откуда к нам пожаловали?

– Мы же уже говорили, из Москвы.

– Да слышал я, только что-то в вас не то. Ну как будто не из нашего времени что ли.

– Да, Иван Федотыч, мы из будущего, из 21-го века, год 2012, – начал Гена. – Плыли, понимаешь, себе по реке, да, вдруг, фигак – фашисты. Обстреляли, значит, нас, лодки – все в дырах. Переправились с острова на другой берег, раздобыли заплатки для ремонта лодок. Видели, автомобильные камеры в «опеле» оставили? А тут на тебе, так же как и вам – хенде хох, ком цу мир, и алес капут. Такое объяснение вас устраивает?!

Алексей почувствовал, что друг завелся и попытался перевести разговор на другую тему. Однако Председатель поднял руку, останавливая Лёху.

– Как же, как же, читали господина Уэлса, «Машину времени», «Войну миров» и ещё чего-то про человека-невидимку. Так вот, если бы она, эта самая машина существовала, то не было бы этой проклятой войны!

– А если наоборот? Кто-то из будущего метнулся в прошлое и затеял эту войну? – тут уже не выдержал Алексей. – Мы не знаем, но точно уверены, что мы попали сюда из 2012-го года. У нас там семьи, работа, друзья, в общем-то, спокойная мирная жизнь, и нахрена нам сдался ваш... э-э-э, кстати, какой у вас здесь год?

– Сорок первый.

«Почему-то все попаданцы в книгах оказываются именно в сорок первом», – подумал Денисов, а вслух спросил:

– А война когда началась?

– В 1939-м, наша, Отечественная, а Вторая мировая годом раньше, – ответил ошарашенный председатель. – Фашисты завоевали почти всю Европу с Великобританией, в Африке хозяйничают. Потом двинули на нас. Думаю, если Советский союз одолеют, на Америку попрут.

– Оба-на! – воскликнул Гена. – Ну и где они сейчас?

– Да Господи, вы, правда, что ли марсиане? Москва в кольце, Сталинград взят, Ленинград после блокады пал, почти весь Кавказ в их руках. За Урал пока не суются. Сначала Москву хотят взять. Из политическо-пропагандистских, так сказать, соображений. В кольце она, матушка-столица, в блокаде. Не пойму, как вы такие с виду сытые и крепкие оттуда выбрались. Не знаю... Не верю я во всю эту мистику и поповщину.

– Понятное дело, вы же коммунист! – брякнул Гена. – Небось, радости не было предела, когда большевички Храм Христа Спасителя взрывали?!

Федотыч лишь горько усмехнулся и заговорил тихо:

– Если хочешь знать, милоч, гость, так сказать, из будущего, я, конечно, не встал перед взрывом на балюстраду храма и не сказал: «взрывайте, но только со мной»! Меня бы быстро на Лубянку упекли. А у меня семья. Но в душе тогда что-то надломилось. В смысле вера в большевистские идеалы. И знаешь, почему? Да потому что твоя американская жопа не поймёт, что после обращения именно в этом Храме к Богу у нас с Надей родился Коленька. Вот он моя кровь, моя радость, мой наследник. До этого никак не могла моя касатка забеременеть. Она меня уговорила тайком к Христу Спасителю пойти. Именно уговорила. Ведь безбожник я был до этого. Перед вами раскрываюсь потому, что чувствую, не выдержат пыток селяне, сдадут, что коммунист я. А посему сочтены дни, или даже часы мои.

Колька встрепенулся:

– Что ты говоришь, папа?!

– Вот это «папа», беспокойство и равнодушие к родителю стоит того, чтобы жить.

Пацан опять зашёлся в рыданиях. Это давило на психику, но никто не стал укорять.

Через некоторое время мальчик затих – уснул. Видимо, сработала защита нервной системы. Организм не в состоянии находиться в постоянном стрессе.

– Вы не обижайтесь на меня, возможно, я вспылел. – Председатель высвободил руку из-под головы Коли. – Вообще-то я философски отношусь к смерти. Ведь это просто обратная сторона жизни. Не было бы жизни, не было бы смерти. Мы же все когда-нибудь... Разница лишь в том, как и когда. Главное, как.

– А мне ближе – подальше, в смысле, это «когда», – сказал Алексей с грустными нотками в голосе. – «Есть у нас ещё дома дела, да и просто хотелось пожить». Ну, так, в нашем времени, поёт группа «Чайф».

– Что за группа? Что значит «чайф»?

– Так, в двух словах не передать...

– Всё же попробуйте, расскажите о вашем э-э-э... времени.

– Вы же не верите.

– Зато я люблю сказки.

За разговорами прошла ночь. Федотыч был настолько обескуражен и потрясён тем, что успели рассказать ребята, что поначалу отказывался верить. С другой стороны понимал, что некоторые подробности описания механизмов, автомобилей, самолётов, оружия, ракет придумать трудно. Так же как и детали социального устройства современного общества или быта людей в двадцать первом веке. А вот насчёт политических преобразований, произошедших в стране к началу двадцать первого века, кажется, так и не поверил, или просто не захотел. Правда, краткую историю Великой Отечественной войны, особенно её итоги, выслушал с явным удовлетворением. Только никак не мог понять, почему она началась не в 39-м, а, по словам рассказчиков, в 41-м. Никак не мог врубиться в возможность параллельных реальностей. Вообще, создавалось впечатление, что у мужика от полученной информации крыша поехала. Немудрено: с одной стороны, знаешь, что этого не может быть, а с другой, понимаешь, что так правдоподобно и детально врать невозможно.

***

Когда солнечные лучи протиснулись сквозь щели сарая, дверь распахнулась, и на пороге возник офицер с переводчиком. Начинался допрос. Каждого выводили поодиночке.

Допрашивали селян часа три.

– Федотыч, кажется, сдали тебя. – К председателю подошёл мужик в рваной рубахе. – Били. Я ничего не сказал, но кто-то до меня. Ну, в смысле, что ты коммунист.

– Кто бы сомневался.

Председатель горделиво поднял голову и громко сказал:

– Никого не виню, односельчане. Не каждый пытки выдержит. Простите, коли что не так было.

– Да погоди ты, Федотыч, раньше времени себя хоронить, воскликнул мужичок в заляпанных кровью штанах и разодранной косоворотке.

– Успокойся, Савелий, не обдристаюсь я, ежели чего. Ребятки, – обратился Федотыч уже к Гене и Алексею, – если выживете, возьмите Кольку в свой лучший мир будущего, в двадцать первый век. Господи, что я несу... – уже себе под нос закончил председатель.

Гена и Алексей отошли в сторону, сели на кучу сена.

– Как оно духмяно пахнет! – Гена поднёс просушенные стебли колосьев к носу.

– Особенно, если на него срыгнёшь, – попытался безобидно пошутить Лёха.

– Сука ты!

– Прости, я сам чуть не блеванул тогда. Видишь, лежит человек. Судьба его закончилась. А ради чего он жил? Мы не узнаем, да и он, скорее всего, не успел понять.

Помолчали.

– Ген, а ради чего ты живешь? Ради чего я живу? Ради чего всё человечество живет? Ради того, чтобы вот так бессмысленно друг друга уничтожать? Ведь посмотри, вся история нашей цивилизации – это войны, создание...

– Вот только не надо говорить о совершенствовании орудий смерти для уничтожения себе подобных. Ты, как журналист, знаешь, что это банально.

– Конечно банально, и все же... Знаешь, что меня в нашем мире поражает больше всего? Мысль не новая и не моя, но я с ней согласен. Вот Нобелевская премия мира. Вдумайся, мира! Учреждена изобретателем динамита. Ну это примерно, как человек, условно говоря, выплеснувший в мир ВИЧ, учреждает премию за заслуги в борьбе со СПИДом. Или Нильса Бора взять к примеру. Для того, чтобы бороться против ядерного оружия, нужно было принимать участие в его создании. Да почти все боролись, кто принимал участие в Манхэтэнском проекте.

Впрочем, ходить далеко не надо. Если бы я был Калашниковым, наверное, сошёл бы с ума, зная, что с помощью моего оружия совершено столько убийств. Чокнуться можно, но даже на национальных флагах некоторых государств присутствует «калаш».

– Интересная мысль, а, главное, свежая и оригинальная. – Генка не нашёл, что возразить и решил согласиться с эмоционально разошедшимся другом. На Денисова это было не похоже.

– Ген, а ты заметил, что нас не водили на допрос. К чему бы это?

– Паспорта наши изучают. Офигели наверное.

Звук открываемой двери заскрежетал по нервам.

– Всем встать! – скомандовал Переводчик. – На выход.

То, что последовало дальше, выходило за рамки человеческого понимания. Даже не то чтобы понимания, а, скорее, психики. Всех находящихся в амбаре людей построили перед эшафотом. Из шеренги два дюжих эсэсовца выдернули Федотыча.

– Папа! – Коля кинулся к отцу. Один из конвоиров отпустил на секунду председателя, обернулся и рубанул прикладом винтовки в лицо пацану, оставляя на правой щеке рваную рану. Денисов кинулся к мальчику, потерявшему сознание. Эсэсовец передернул затвор, но поднятая рука переводчика и короткая команда заставила того отказаться от дальнейшей расправы. Алексей взял на руки мальчонку и, уложив за шеренгой пленных, начал массировать ему виски. Залитая кровью щека распухла, глаза закатились, пульс едва прощупывался.

Тем временем фашисты накинули на Ивана Федотовича петлю и поставили на деревянный чурбак.

Ах, не вовремя очнулся Коленька. Лучше бы он этого не видел. Но, как назло, пацан неожиданно резво вскочил на ноги и с криком «папа!» кинулся вперед, расталкивая мужиков. Стоявший в шеренге Гена, успел схватить мальчика и, удерживая, пытался прикрыть ему глаза.

– Не смотри, Коля, не смотри!

Но парень упрямо отрывал Генкину руку и еле шевелящимися губами тихонько как заведенный шептал в иступлении:

– Папа! Папочка! Нет, не может быть! Не может быть!

Встретившись с глазами ребёнка, Иван Федотович, чувствуя, что последние секунды видит сына и белый свет, закричал:

– Коленька! Сынок! Я тебя люблю! Не бойся ничего! Смерти нет! Это всего лишь переход! Мы разобьём фашистов! Ты будешь жить в свободной стране! Прости меня, если я причинил тебе...

Последнюю фразу он не закончил. После короткой команды переводчика солдат выбил чурбак из под ног председателя.

– Не-е-е-т!!! – От крика мальчика, казалось, кровь застыла в жилах.

– Ну, гад, ты за это поплатишься от меня лично, если останусь жив! – в полголоса поклялся Гена.

А в голове Денисова кроме очередной мысли о невероятности происходящего смутно просквозила еще одна:

«А командует-то не оберлейтенант, а переводчик, „истинный ариец“. Странно...»
Ошеломлённых пленников вновь отвели в конюшню.

***

Игорь и Сергей дождались темноты. Накануне они упаковали самое необходимое в пакеты в непромокаемые пакеты. В палатке в потайном кармане Игорь на всякий случай оставил записку брату. В ней сообщалось, что они с Серёгой поплыли к ним на вырубку, так как слышали выстрелы.

После того, как ночь тревожной энергетикой начала пропитывать островитян, прошло три часа. Сергей и Игорь не теряли надежды и ждали возвращения ходоков. Бесполезно. На зыбкой грани начала рассвета медлить стало опасно – их переправу могли заметить с моста.

подавив тяжёлые вздохи, мужики вошли в реку. Контраст воды и воздуха заставил приостановиться.

– Так провожают пароходы! Не то, что рельсы в два ряда! – Игорь зябко поёжился.

– Вода, вода, кругом вода... – согласился Сергей. – Нет, я даже сказал бы по-другому, коллега:

– Переправа, переправа,
Берег левый, берег правый...
Кому память, кому слава,
Кому темная вода, —
Ни приметы, ни следа...

– Типун вам на язык, коллега, – ответил Игорь.

Обжигающая прохлада воды и одна рука, держащая пакет над головой, заставляли работать другой и ногами с удвоенной силой. В начале июля ночи ещё не несут непроглядности, сравнимой с видимостью в известном месте у негра. На небосводе – ни облачка, поэтому очертания противоположного берега угадывались довольно чётко.

Пловцам показалось, что с тех пор, как ноги оторвались от дна на одном берегу и коснулись его на другом, пришлось преодолеть, как минимум, Берингов пролив.

Течение их также снесло на косу, как и Генку с Лёшкой. Продрогшие цуцики выползли на берег. Тут же растёрлись водкой. Сергей предусмотрительно взял с собой фляжку с огненной водой как раз на случай сугрева после водной процедуры. Передохнули, оделись. Решили подождать, когда рассвет позволит начать поиски хоть каких-то следов. Трупов находить не хотелось.

Грелись энергичной разминкой, упражнениями, прыжками. Иногда прикладывались к маленькой фляжке. Но без фанатизма, – голова должна оставаться свежей. Минут через сорок забрезживший рассвет уже позволял начать поиски. Час прочёсывания местности ничего не дал. Друзья почти отчаялись, но решили не сдаваться. Провозились вокруг ещё минут пятнадцать, прежде чем Полковник обратил внимание на примятую полосу травы, выходящую из леса. Пошли по ней, внимательно смотря под ноги. Вдруг Сергей увидел какой-то белый предмет у одиноко растущей ели. Позвал Игоря.

– Это Генкины «Marlboro» с моей зажигалкой! – обрадовался Полковник. – Идём по примятой траве.

Выйдя на опушку леса, наткнулись на отпечатавшиеся в сырой почве следы автомобильных шин.

– Широкие, похоже, от грузовика, узкие – наверняка от мотоцикла, – Игорь склонился над колеей. – Причём, с коляской.

– Смотри! – Сергей указал на землю. – Следы от сапог. Видишь, их много и они одинаковые, с характерной подошвой. Глебов присел и стал рассматривать пяточок вокруг себя.

– А вот это уже интересно. Глянь, эти две пары отличаются от солдатских.

Игорь подошёл, внимательно посмотрел отпечатки и радостно втоптал в землю свой кроссовок рядом с одним из следов. – А теперь, господа присяжные, найдите хотя бы одно отличие!

– Не понял.

– Мы с Генкой кроссовки в одном магазине брали, одинаковые. Значит...

– Значит, их не убили той очередью, – договорил Сергей и вынес очевидное заключение:

– Генку с Лёхой здесь посадили в машину и куда-то увезли. Они не сопротивлялись, иначе были бы следы борьбы. А они аккуратные. Я же говорил, ребята живы! – Глебов хотел было достать из Генкиной пачки сигарету, потом передумал. – Пусть Гек сам докурит.

– Теперь вопрос: где искать? – в глазах Игоря светилась надежда.

– Элементарно, Ватсон. Это довольно просто, я имею виду, вычислить месторасположение. Для выяснения личностей далеко их вряд ли повезут. Поэтому напрашивается вывод – в ближайшую деревню, в комендатуру.

– А может быть, в город? Если это городок, то вычислить, где их содержат, а тем более освободить, будет сложнее, – пробормотал неуверенно Игорь.

Серёга, Ходячая энциклопедия, как иногда друзья называли его, перед БАПом прочитал кое-какую литературу об этих краях. Он рассказал другу, что во время войны, на месте Кубринска находилось село, километрах в пяти от нынешнего города. Называлось Ведомша. Перед войной в этих местах собирались строить электростанцию на торфе. Бездорожье помешало.

– Кстати, Пришвин останавливался в соседнем Шепелеве и часто заходил в Ведомшу во время своих охотничьих прогулок, – зачем-то добавил Глебов.

– Значит, наш нынешний БАП называется «По Пришвинским местам»? – спросил Игорь, пораженный Серёгиными познаниями.

– Наш БАП называется «В июле сорок первого» или «Мы из будущего-3». Слушай дальше. Только в 1955 году сюда заявили торфодобытчики и строители. Здесь-то и основали посёлок для рабочих. Ну и поэтому этот год как бы считается днем основания Кубринска. Назвали посёлок по имени реки, по которой мы сплавляемся.

– Поэтому, если мы попали в сороковые, то никакого города Кубринска ещё пока нет, а нужно искать деревню Ведомша, – заключил Игорь.

– Правильно мыслите, коллега. Кстати, места здесь жутко болотистые, почва рыхлая. Колея остаётся надолго. Поэтому есть шанс найти грузовик по следу.

– Так чего ж мы тормозим? Вперёд!

Через секунду друзья уже крутили ногами Земной шарик.

– Кстати, знаешь, откуда название реки Кубря? – спросил Сергей.

– Нет.

– Возможно, от своеобразного рыбацкого судна – кубари. – Писатель объяснил, что это такой русский катамаран. Два выдолбленных и заострённых спереди бревна, метра два длинной, соединяли бортами, а сверху клали доску. На неё садился рыбак. Весьма удобная конструкция. Такой катамаранчик мог пройти над любой мелью и развернуться в камышах.

Дороги, как таковой, в село не было, поэтому свежая колея читалась действительно легко. Километра через три-четыре она привела Николишина и Глебова к окраине села. Ребята сначала недоумевали, почему оно расположено так далеко от реки, ведь всегда, по понятным причинам, люди стремились селиться ближе к воде. Как позже выяснилось, там, где располагалась Ведомша, Кубря, делая изгиб, до которого путешественники не успели сплавиться, подходила к селу ближе.

Завидя сквозь густой утренний туман очертания домов, мужики остановились перевести дух. Фирменные Игорёхины «Breightling» показывали без четверти пять.

– Ну и как мы их найдём? Двоеточие мне в уши! – Сергей присел на траву и закурил.

– Пока не знаю, но даже и слушать не хочу о том, чтобы опять дожидаться темноты, целый день терять. Если природа подарила нам такой туман, грех не воспользоваться.

– Будем прочесывать хату за хатой?

– Да, и действовать быстро, пока «молоко» не рассеялось и окончательно не рассвело. –

Николишин опять был Полковником.

Из тумана, казалось, можно было лепить снеговиков, поэтому первый крайний покосившийся домишко, огороженный редкими прогнившими и кривыми палками, символизовавшими забор, обсматривали в бинокль внимательно и долго. Наконец, узрели, что окна и дверь заколочены. Охраны не видно. После долгих колебаний мужики, пригибаясь, нерешительно двинулись к строению.

Дом действительно оказался заброшенным – никаких признаков обжитости или какого-то движения внутри.

– Вряд ли ребята здесь, – вполголоса сказал Игорь, и они с Сергеем рванули к следующему забору.

Так постепенно и скрытно, бесшумными татями, раздвигая туман, Писатель и Полковник передвигались от дома к дому. Наконец, как им показалось, обнаружили то, что искали. Недалеко от центра села во дворе крепкого с виду хозяйства закутанный в туманное одеяло спал большой сарай. Видимо, когда-то старичок служил конюшней или коровником. Метрах в двадцати от него высился двухэтажный бревенчатый дом. Игорь с трудом, но всё же разглядел в окуляры солдата в немецкой форме с винтовкой на коленях. Тот сидел возле дверей сарая на чурбаке для рубки дров. Было видно, как он что-то наливает в кружку из походного термоса и потихоньку отхлебывает.

– Блин, точно дойчен зольдатен, – прошептал Игорь. – Ты чего ж, ядрёна вошь, без меня какаву пьёшь? Не пойму издалека, СС это или просто стрелковые части. Полевые формы у них были похожи. Только по нашивкам, петлицам и шевронам можно понять, кто есть кто. Отсюда не видно.

– Какая разница?

– Разница есть, – Полковник, не отрывал оптику от глаз. – Эсэсовцы более идейные, подчас до фанатизма. Дисциплина – будь здоров. Эти на посту спать не будут. К тому же, если это специальные подразделения, то хорошо обучены, а значит, к ним труднее подобраться.

После некоторой паузы Игорь толкнул локтем Серёгу, протягивая бинокль.

– Смотри, вон второй, из-за угла вышел. Похоже, ходит вокруг сарая.

– Как узнать, там ли ребята? – Сергей оторвался от «цейса». – Может, фрицы охраняют сарай с техникой.

– Во-первых, танк или самоходка в этот сарай не влезет. Да и на кой ляд диверсантам или разведчикам, а это, скорее всего, они, танк? В лучшем случае, используют бронетранспортер для пехоты «Ханомаг», но это вряд ли. Во-вторых, какая-то техника угадывается в тумане за домом. Видишь, чуть правее. Это однозначно не танк и не «Ханомаг», поверь мне. На грузовик похоже. Наверное, рядом и мотоцикл. Интересно, где остальная солдатня, офицеры, мать их яти?

– По хатам. Только сопят в две дырки ещё, двоеточие им в нос, – предположил Сергей.

– Тогда, почему у остальных домов не наблюдалось часовых? – Игорь был слегка озадачен.

– Думаю, до хат, где фрицы на постое, мы не дошли.

– Или, как вариант, в деревне лишь разведгруппа, всего человек пять-семь, ну, может, десять. – Далее Полковник предположил, что двое на посту, остальные дрыхнут в доме.

Вероятно, решили тут переночевать, предварительно допросить Генку с Лёхой и утром двинуться к месту дислокации основного подразделения. Было любопытно, как немцы отреагируют на современные паспорта и деньги? Если сейчас что-то не предпринять, брата с Денисовым скоро увезут в неизвестном направлении, и пиши – пропало. Если они в этой деревне вообще, и в этом сарае, в частности. По мнению Николишина, надо рискнуть.

Игорь наморщил лоб и снова зашептал:

– Пока обходящий будет за сараем вне зоны видимости, оглушаем любителя кофе. – Полковник оценивающе посмотрел на палку толщиной в руку, которую прихватил из первого дома. – Когда второй выходит из-за угла, также гасим и его. Неожиданность – наше преимущество. Главное, чтобы от удара они не заорали. Остальные проснуться – нам хана.

– Бляха-муха! Если удар не рассчитаем? Я людей, никогда... – замялся Сергей.

– И я никогда! Мы сугубо мирные люди, но, как говорил Камю, война заставляет нас становиться тем, чем мы никогда не были.

Сергея попытался возразить:

– А Клаузевиц сказал, что на войне всё просто, но самое простое в высшей степени трудно. Наверное, он имел в виду, в первую очередь, убийство.

– Хватит разглагольствовать и меряться эрудицией, – шикнул Полковник и выразил мнение, что совесть – это редкое ископаемое, цена которого зависит от глубины его залегания. А вот если они не освободят ребят, он себе этого не простит. И с этим ему будет жить сложнее, чем с сознанием того, что прихлопнул какого-то уродца, тем более фашиста, покушающегося на жизнь брата и друга, да и на его с Серёгиной.

В душе Писатель согласился с Полковником, но все же... Понятно, когда убиваешь в пылу схватки, боя, защищая свою жизнь, близких и друзей, но вот так подойти и хладнокровно, как мясник...

Наверное, невозможно передать психологическое состояние человека, решившего убить себе подобного.

«Достоевский... тварь я дрожащая, или право имею? Нет, это здесь ни причём. Он ведь по другому поводу... Хотя... старушка-процентщица... Гитлер и Сталин хуже Алёны Ивановны. Смог бы я собственноручно убить Гитлера или Сталина, чтобы спасти десятки миллионов ни в чём неповинных людей? Поднять руку всё-таки на человека, творение божье, кем бы он ни был? Вот так хладнокровно топором или ножом. Вонзить железо в плоть. В книгах и кино всё так просто...», – эти мысли просочились сквозь сознание Сергея за считанные секунды. Дальше толствовать и достоевствовать ему не дал Полковник, зашипев на ухо:

– Значит так, пока один за домом, кто-то из нас зажимает рот сидящему на чурбаке, другой бьёт дубинкой по башке. Повезло, у них не каски, а кепи. Также и со вторым. Когда он выходит из-за угла, ты или я хватаем за морду, другой также бьёт по кумполу.

– Игорь, можно я зажму, а ты по кумполу? – смущённо пробормотал Глебов.

– Ну вот, вечно мне грязную работу.

– Можно подумать, мне при этом чистую, – отводя глаза, прошептал Сергей.

– Ладно, значит, ты зажимаешь рот, а я... Блин, противно.

– А как мы взломаем замок без шума? – вспомнил вдруг Глебов.

– Хороший вопрос.

И он остался без ответа. На крыльцо вышел человек в галифе с заправленной в них исподней рубашкой и что-то по-немецки сказал вскочившему с чурбака солдату. Когда офицер скрылся за дверью, тот снова сел доедать кофе.

– Говорит, час ещё будет спать, потом хочет допросить каких-то двух человек, затем уезжают, – перевёл шёпотом Сергей. – Уж не ребят ли будет допрашивать? Вопросительный знак мне в глотку!

В это время обходящий немец скрылся за углом сарая.

– Надо действовать, – Интонация Игоря была такой решительной, движения настолько уверенные, что Серёга уже на бегу понял: неотвратимое сейчас случится. Накинувшись на сидящего немца сзади, Глебов зажал тому рот. Удар Полковника палкой, скорее напоминавшей дубинку, мог бы свалить мамонта. Кепи слетела. Неуклюже хватая руками воздух, немец стал заваливаться на бок. Алая струя крови, пульсируя фонтанчиком, выплёскивалась наружу из разбитой головы на лицо и руки Глебова. Удар, видимо, пришёлся по артерии. Еле сдерживая рвотные спазмы, Сергей подхватил обмякшее тело караульного и аккуратно положил на землю. И тут Глебов не выдержал: человека рвало на родину. К сожалению, это было не бесшумно.

Понимая, что второй часовой, которого пока скрывала стена сарая, услышал странные звуки и вот-вот покажется из-за угла, Полковник пулей метнулся к строению. Не успел фашист высунуть голову из-за стены, как Игорь обрушил на череп дубину с такой силой, что, казалось, у жертвы сапоги отлетят.

– Бери у него гранаты, подсумок и винтовку, – распорядился Полковник. – «Эмпэшку» я у того возьму.

Серёга, плохо соображая, механически последовал распоряжению.

«MP-40, настоящая легенда», – отметил про себя Полковник, ощупывая затворный механизм орудия убийства.

– Серёжа, спокойно, очнись и соберись, сейчас нужна предельная концентрация. Узнай, пожалуйста, кто в сарае. А я послежу за соседним домом, – вдруг мы разбудили почивающих.

Глебов отдал Игорю подсумок с магазинами для автомата и винтовку, себе оставил только две гранаты Stielhandgranate-24, которые засунул за пояс. Через минуту, потирая виски, подошёл к двери конюшни.

– Эй, внутри! Отвечайте тихо, шёпотом! Кто здесь? – Сёрега старался не шуметь.

– Серёжа, мы здесь, – также шёпотом ответил Денисов изнутри.

И тут началось.

– Мужики! – заорал за дверью кто-то другой громким голосом. – Спасите! Убить хотят нас! Помогите! Помогите!

– Чёрт! – выругался Полковник, передернул затвор и спрятался за угол. – Кричи теперь, не кричи, а кричи: совершенно секретно!

Бах! В районе сердца на рубашке выбежавшего на крыльцо человека расцвёл кровавый бутон. Грохот ружейного выстрела, прозвучавшего в предрассветной тишине, прозвучал раскатом грома. Игорь открыл рот – уши заложило. Он точно положил пулю в цель.

– Сейчас любопытных станет больше, – буркнул Полковник, отставляя маузер и перекидывая со спины MP-40. Но он ошибся. Никто не вышел, а вместо этого из окна ударила автоматная очередь. Одна из пуль причесала Серёгу, за секунду до этого опрометчиво выбежавшего на открытое пространство. Пуля, чиркнула по лысеющей голове. Ладонь прошлась по влажной и горячей макушке. Тонкая струйка крови, скользнув за ухо, юркнула за шиворот.

– Блин, ну всё, суки! Планка упала! – с этими словами Сергей рванул к дому.

– Стоять! Лежать! Сидеть! Куда ты? Серёга-а-а-а!!!

Похоже, тот плевать хотел на крики друга.

Несмотря на то, что Глебов действовал почти в состоянии аффекта, крышу у него снесло не окончательно. Писатель метнулся не прямо к окну, а сначала за колодец, расположенный справа от дома, но на одной линии со стеной фасада. Кажется, его не заметили. Сердце, бешено барабанив в грудную клетку, пыталось выпрыгнуть наружу. «В окно надо бросить гранату!» – Мысль интересная – «Но где же чека у этих грёбанных немецких гранат? Ага, здесь под крышечкой!» – Дрожащими руками он отвинтил металлический колпачок на торце деревянной рукоятки. Заставил ватные ноги двигаться. Кинулся к стене дома. Уже на бегу дёрнул выпавший из рукоятки гранаты шнур, разбил стекло и буквально засунул туда «колотушку». Ба-бах!

«Обороняющихся, должно быть, наспиговало осколками», – подумал Серёга, но не стал заглядывать внутрь и выяснять правильность своей догадки. Если есть раненые, то могут маслину в лоб закатать. Через несколько секунд метнулся назад за стоявший метрах в пятнадцати колодец. Попить бы. Не время. Отечество в опасности! Выглянул осторожно и стал наблюдать. После взрыва минуты две-три ни в доме, ни в сарае, не было ни звука. Только, стук выскакивающего из груди сердца, казалось, слышен был на всю деревню. Крупная дрожь сотрясала тело. Это естественно – и предательская слабость в ногах, и подкатывающаяся к горлу тошнота, и рябь в глазах. Однако ясно соображающий при этом мозг чётко ставил вопросы: затаились ли живые или раненые, или все готовы? Если живы, что делать? Бежать зигзагами к Игорю или сидеть здесь? Вот только таких же чётких ответов не было.

Минут через пять Глебов всё же принял решение, собрался с силами и вновь договорился с ногами. Короткие перебежки, зигзаги и подскоки напоминали рваную траекторию движения русака, уходящего от волка. Увидев подбегающего Серёгу, Игорь, занявший позицию уже за поленницей возле сарая с автоматом и винтовкой, окликнул друга. Сергей увидел его и, резко изменив вектор движения, плюхнулся рядом.

– Игорь, я не успел тебе сказать, Генка с Лёхой в этом сарае, нам повезло, нашли, – сквозь сбивающееся дыхание прохрипел Сергей. – Я с ними перекинулся парой фраз.

– Отлично! Уф! Удача! Уф! – Глаза Полковника засветились.

– А я, кажется, всех положил, но не уверен.

– Почему не уверен?

– Не мог я пятерых одной гранатой замочить. Не дураки же они впятером отстреливаться из одной комнаты.

– Почему пятерых? Может, их всего трое было, или вообще двое, да и вряд ли они спроне успели рассредоточиться по дому. Уж больно резкий у тебя был рывок.

– Твоими бы устами... Слушай, а почему пленные уже молчат, не голосят?

– Я уговорил их заткнуться. До тех пор, пока мы всех не освободим. Там мужики одни, баб нет, нервы покрепче, всё поняли быстро. Жаль, что сперва начали орать, а уж потом сообщать. Возьми бинокль и следи за домом, вдруг, правда, кто выжил, а я собью замок. Впрочем, нет, давай поменяемся, – ты уже повоевал, да и стресс у тебя сильный. Переключись.

– Ты тоже не сидел сложа руки, – возразил Сергей.

Светало. Туман удивительно быстро таял под выглянувшими первыми лучами светила. День обещал быть солнечным и прозрачным. И вот спустя пятнадцать минут после Серёгиной атаки родилось великолепное хрустально чистое утро. Воздух наполнился ароматом скошенной травы... Умирать не хотелось. Полковник отчётливо почувствовал это, вздохнул, взял оставшуюся у Писателя гранату и засунул за ремень. Потом достал висевший на спине автомат, ловко отсоединил рожок, убедился, что он полный, вставил назад, передернул затвор, проверил предохранитель и направился к углу сарая.

«Господи, откуда у него такие заправские движения и манипуляции с незнакомым оружием? – с белой завистью подумал Сергей. – Кажется, делает он это невзначай, механически, словно по сто раз на дню, а со „Шмайсером“, то есть, тьфу, с МР-40, будто вообще родился». Потом вспомнил: ах да, частые походы в Музей вооружённых сил, доступ вместе с братом к запасникам оружия...

– Серёжа! – Игорь остановился на полпути. – Хорошо бы сначала проверить грузовик, можно ли его завести. Сделаешь?

– Не вопрос.

– Держи маузер на всякий пожарный. Если заведёшь, не глуши, дуй назад к сараю и попытайся сбить замок. Как срубишь, сразу же, без разговоров бегите с ребятами и людьми к машине. Крикните и мне, вдруг пригожусь.

– Думаю, с тобой будет перегрузка, машина не сдвинется, так что извини, – они ещё пытались шутить.

Игорь осторожно выглянул из-за поленницы. Каких-либо шевелений в доме и возле него не наблюдалось. И хотя Полковник был уверен, что его скромный друг положил всех внутри хаты, снял автомат с предохранителя и весь превратился в глаза и уши.

Тем временем, Сергей завёл «опель», повезло – ключи оказались в замке – и кинулся назад к сараю. Полковник услышал звук движка и порадовался, что пока всё идет гладко. «Что-то много везений, не к добру это, – подумал он, продолжая следить за домом. – Как говорится, если судьба даёт тебе поблажку, то это вовсе не значит, что она к тебе благоволит».

Тем временем, Глебов вернулся от машины к сараю. Сергей, понимая, что тишину теперь уже соблюдать бессмысленно, всюду лупил прикладом по замку. Черта-с два! Замок был старинный, добротный, таких нынче не делают.

Винтовочный выстрел вновь порвал утреннюю тишину. От неожиданности Полковник даже выпустил из рук бинокль, повисший на шее, и чуть не нажал на спусковой крючок.

– Спокойно! – крикнул Серёга из-за сарая. – Это я, замок убил. Беги к машине.

Игорь рывком поднялся и, стремглав завернув за угол, увидел метрах в пятнадцати перед собой колыхающиеся спины около десятка человек, несущихся к грузовику. Слава Богу, впереди знакомые фигуры друзей и брата!

Когда до «опеля» оставалось каких-нибудь два десятка метров, с чердака дома ударила автоматная очередь. Двое из беглецов как будто одновременно споткнулись об одно и то же препятствие и, неуклюже взмахивая руками, ещё продолжали уже мертвыми по инерции переставлять ноги, а затем рухнули в траву, чтобы никогда не встать. Как обидна и нелепа смерть через несколько секунд после освобождения от неминуемой гибели. Ведь фашисты обещали расстрелять всех, отказавшихся сотрудничать. Правда, неизвестно, кто из них под угрозой смерти согласился, кто нет, но к машине побежали все.

– За грузовик! – истошно завопил Генка, первый добежавший до «опеля». Через мгновение к нему присоединились Сергей и Лёха. На последних метрах вторая очередь срубила еще одного – пожилого дядьку, от побоев еле передвигавшего ноги. Остальным удалось укрыться за грузовиком. В кузов и кабину забраться было невозможно. «Опель», стоявший по отношению к позиции стрелка полубоком, позволял тому держать на мушке и задний борт, и кабину со стороны водителя. За руль, конечно, можно пробраться и с противоположной двери, но это те же яйца, только в профиль, – всё равно за руль переползает. А там тонкое железо, уж не говоря о стекле, не выдержат пулю. Риск смертельный – вряд ли эсэсовец промажет. Ребята уже убедились, что стреляет гадёныш весьма метко. Не отпадала и ещё одна опасность: если фашист пробьет движок, шансы на удачный побег могли равняться шансам выжить парашютисту с нераскрывшимся парашютом и забывшим дома на печке запасной.

Игорь, не успевший выбежать из-за стены сарая на простреливаемое пространство, мгновенно въехал в ситуацию. Крикнув «я отвлеку», повернул назад. Добежал до угла. В два прыжка преодолел расстояние от стены сарая до поленницы. Вновь занял позицию за дровами.

«Похоже, меня не заметили, – понадеялся Полковник. – Или заметили, но автоматчик никак не отреагировал на мой манёвр. То ли патроны экономит, то ли кончились, то ли не знает, куда стрелять – по дровам, если увидел-таки меня, или по «опелю».

Сплошные «если». Если сейчас ударить по окну на чердаке, Игорь себя обнаруживает, но отвлекает огонь на себя, а ребята с оставшимися в живых смогут забраться в тачку и свалить. Он же их догоняет. Правда, если спиной пулю не отловит. Опять же, если начнёт стрелять, двух магазинов надолго не хватит. Впрочем, и у фрица патроны тоже не бесконечные, хотя он наверняка взял боезапас у убитых. Так рассуждал Игорь, разглядывая чердачное окно то через бинокль в просветах между поленьями, то сквозь прорезь прицела.

Минуты тишины и отсутствия движения противников с обеих сторон стекали вязкой смолой в бесконечность. Люди за грузовиком тоже замерли, никак не проявляя себя. Неопределенность давила. А ещё время сейчас работало против беглецов. С минуты на минуту к немцам могло прибыть подкрепление. Потом пришла мысль: а что если повторить Серёгин подвиг – кинуть в окно гранату? Но тут надо наверняка. Не промазать. Чёрт, еще эти Stielhandgranate-24. Не очень-то надежные и занудные штуки. В принципе, их надо готовить перед боем. Поставлялись они в войска отдельно от капсюлей-детонаторов. Для того, чтобы привести гранату в боевое положение, нужно сначала открутить от корпуса рукоятку, вставить в него детонатор и прикрутить обратно. А чтобы применить, надо отвинтить крышку в нижней части рукоятки, энергично дёрнуть выпадающий при этом шнур и бросить. Правда, немцы, конечно же, готовили их заранее, вставляли детонаторы загодя. Это подтвердила брошенная Глебовым граната. И как это он сообразил найти шнур, сугубо мирный человек? Впрочем, Писатель – ходячая энциклопедия, наверное, где-то в литературе глазами зацепился. А вообще, как это мило в горячке боя отвинчивать крышечку. Не то что наши «лимонки» – выдернул чеку за долю секунды и кинул. Да и потом, аммонал, взрывчатка этих немецких «колотушек» – на основе аммиачной селитры. Малейшее попадание влаги в корпус и кирдык. При длительном хранении на складе взрывчатое вещество слёживалось и не детонировало, а тёрочный материал, вроде тех, что на коробках спичек, при конкретной сырости или при недостаточно резком выдёргивании шнура не воспламенялся. Из-за этого часто отказывали в бою. Задержка – четыре секунды. Но это по техническим характеристикам. На деле же, чаще всего, около восьми. Поэтому опытные солдаты, атакованные «колотушками», бывало, перехватывали их и кидали в ответ. В общем дерьмовенькие, но других в данный момент у Игоря не было.

Игра нервов – кто первый дёрнется и совершит необдуманный шаг – продолжалась минут двадцать. Естественно, в этой игре непрофессионал Игорь, подгоняемый мыслями о возможном и скором фашистском подкреплении, не выдержал первым. Он решил последовать примеру Писателя, подобраться к дому со слепой стороны, засандалить-таки гранату в окно чердака и покончить с наскучившим фрицем. Только бы сработала!

– Ах! Полно-те, мой друг, томиться ожиданьем, – подбадривая себя, произнёс Полковник и, пригнувшись, высунулся из-за своего укрытия в надежде тихонько перемахнуть через забор и подойти к дому с тыла. Как только из-за дров показались его полкорпуса, с чердака грянул одиночный. На уровне пояса хрустнуло, и в лицо впилась мелкие осколки чего-то непонятного. Рефлекторно Игорь дёрнулся за поленницу. Сел оторопевший. Инстинктивно провёл руками по лицу, увидел на ладонях кровь. Осмотрел себя. Всё вроде цело. Чего-то, однако, не хватало. Понятно: пуля раскрошила болтавшийся на ремешке бинокль, современную японскую игрушку с хорошей оптикой, но пластиковым корпусом. Осколки стекла попали в лицо. Спасли глаза очки.

«Полезно иногда для здоровья иметь плохое зрение!» – подумал Игорь, холодея от ужаса. Попади стрелок на десять сантиметров выше, очки надевать было бы уже не на что.

– Игорь! – Полковник услышал взволнованный крик брата из-за грузовика. – Ты цел?

– Порядок!

– Он уже не на чердаке! На первом этаже, в крайнем левом окне! – попытался сориентировать Игоря Генка.

– На, сука, жри! – Игорь резко выставил автомат с обратной стороны поленницы и дал короткую очередь в указанное окно. Ответа не последовало. Вряд ли попал. Просто хитрый гад наверняка мечется по дому и зазря себя не обнаруживает. Так, на эту сторону выходит два окна первого этажа и чердак. Откуда фриц ударит в следующий раз? Игра в наперстки. А вдруг у него снайперская винтовка? Тогда плохо дело. Ни одним человеком, тем более что это мог быть любой из ребят, рисковать не хотелось. М-да, совсем не айс! Патовая ситуация. Если бы был третий ствол, держали бы на прицеле сразу три окна.

И тут из-за «опеля» лупанула винтовка. И сразу же Генкин крик:

– Он в правом! Я держу его.

Игорь всё-таки отважился на отчаянный бросок. Он метнулся, но не к дому, а к сараю. Немец не успел выстрелить, но рефлекторно высунулся из-за занавески. Это было его последнее движение. Как увидел Серёга в бинокль, взятый у Генки, пуля из маузера вошла чуть выше правой брови, оставив небольшую дырочку и выбив значительную часть задней стенки черепа, что и было отмечено кровавым фонтанчиком. Даром, что Генка увлекался оружием и похаживал вместе с братом в тир.

Игорь, не видя результатов меткой стрельбы, всё ещё не решался выглянуть из-за сарая.

– Игорь! – опять закричал Гена. – Беги к нам, я попал!

А вот это айс! Полковник кинулся к грузовику, на всякий случай пригибаясь и через каждые семь шагов падая в траву. Добрался до «опеля». Никто не стрелял.

– Эй, Игорёк, ты весь в крови, ранен? – обнимая брата, встревожено спросил Гена. – Я ещё раньше заметил – Серёга тоже!

– Ерунда, – небрежно кинул Полковник. – Осколки от бинокля, а вот Глебыча причесало.

– Эй вы, родившиеся в рубашке, лезьте в машину. Я послежу за домом. Вдруг там ещё... хотя уже вряд ли. Да, вот держите санпакеты, у немцев взял. По дороге обработайте раны. И пацану щёку, вон как кровит. Шрам глубокий останется.

– Кто это его так?

– Да выродок фашистский, – махнул рукой Игорь.

– Ладно, потом расскажешь, – Гена хлопнул брата по плечу и, уже обращаясь к освобождённым, крикнул:

– Эй, мужики, по одному осторожно забирайтесь в кузов.

– Я за руль. – Алексей уселся на водительское место. – Будь благословен тот день, когда я сел за баранку этого пылесоса!

Сергей устроился рядом, распечатывая санитарный пакет.

После того, как пленные, гомоня и чертыхаясь, залезли под брезент, Гена занёс уже было ногу на скобу с заднего борта и собрался нырнуть внутрь. Тут он заметил движение Игоря в сторону хаты.

– Куда? Сбрендил?

– Нам нужно оружие! Ситуация обостряется.

– А если в доме остались...

– Никого там нет!

– Может быть ловушка, или тебя встретят раненые, способные стрелять. Знаешь, как говорится, кто рискует оправданно, пьёт шампанское, а кто не оправданно, за того близкие и друзья пьют водку.

– Ладно, хрен с ним, – неожиданно согласился со справедливыми доводами брата Полковник. – Только вот MG-38 с мотоцикла надо снять.

– Время! – Гена мыслил здраво.

– Минутное дело. Зато, если нас нагонят, мы свои жизни отдадим подороже.

Генка вздохнул, и они побежали к «цундапу».

В багажнике мотоциклетной коляски нашлись гаечные ключи, с помощью которых и удалось открутить пулемёт.

– Эх, хороший мотоцикл, прихватить бы и его. – Гена с теплотой во взгляде погладил руль «цундапа». Вдруг он встрепетнулся и, что-то соображая, потёр подбородок. – Слушай, мы точно такой же видели с Лёхой у Иваныча.

– У кого? – не понял Игорь.

– Потом объясню... Именно эту модель – «KS-600». Основной тяжёлый мотоцикл в немецкой армии. Боевая лошадка.

– Да, – оживился Полковник. – У него в своём классе был самый мощный движок в довоенной Германии, причём верхнеклапанный и оппозитный.

– Угу, почти 580 «кубиков». С коляской шпарит сто км в час.

– И это при 570-ти килограммах-то собственного веса!

– А «жрёт» всего пять-шесть литров на сотку.

– Вот на таком бы сейчас уходить. Вчетвером как-нибудь уместились бы. – Генка pokrутил ручку газа.

– Да можно было бы, если бы не эти бедолаги, – он кивнул на кузов грузовика. – Не бросать же их здесь.

– Ты прав. Ладно, берём только MG и два барабана, вон, видишь, в коляске лежат.

Через несколько минут они перебрались в грузовик.

Алексей включил передачу, отжал сцепление и вдавил педаль газа в пол. Взревели шесть цилиндров и «опель» резко дернулся с места.

– Эй, сапожник! – зло и весело крикнул Генка из кузова. – Чай, не дрова везёшь! Понабирают по объявлению!

Но Лёха в кабине не слышал его. Он быстро освоился с управлением незнакомой машины. «Блиц» (блиц – молния – нем.) полетел хоть и не как молния, но довольно резво. Денисов где-то читал, что именно на этих машинах впервые появился зигзагообразный росчерк, напоминающий всполох молнии и ставший эмблемой на всех последующих моделях «опелей». Впрочем, это к делу не относится.

Шестицилиндровый двигатель от легковушки «Адмирал», который ставили на трехтонную серию, легко двигал грузовик с десятью человеками на борту.

– Слушай, а куда мы едем? – через пару километров спросил сидевший рядом с Алексеем Глебов.

– Ну, это же понятно, к тому месту, где переплывали реку, – пожал плечами Алексей.

– А куда девать деревенских?

Денисов остановил машину, и они с Серегой выпрыгнули из кабины. Братья, сообразив, что у ребят возникли вопросы, выбрались из кузова. Выползли сходить до ветру и освобожденные.

Из короткого совещания и разговора с деревенскими стало ясно несколько вещей. Во-первых, сейчас июль 41-го года, во-вторых, местные мужики не могут понять, откуда здесь немцы. По их словам, фронт за многие сотни километров. Ведомша – глубокий тыл. Если это десантники-диверсанты, то как и зачем появились в деревне, также неясно: никаких самолётов в ближайший месяц в небе не наблюдалось, никаких военных и стратегических объектов вокруг нет. Мужики подтвердили рассказ председателя. В плен их взяли, когда они заготавливали лес для колхозных нужд. Сын казнённого председателя Колька, ещё накануне напросился на лесоповал. Только они увидели Федотыча, вдруг откуда ни возьмись супостаты нагрянули. Семь человек их было вместе с офицером. Четверо на грузовике, трое на мотоцикле. Их первыми затолкали в кузов, затем председателя.

– Никакие это не десантники-диверсанты, это эсэсовцы были. Разведка, – перебил мужиков Игорь. – Что здесь нужно элитным подразделениям?

– Почему ты так уверен, что это СС и именно разведка? – Сергей с сомнением посмотрел на Полковника.

– Очень просто, у одного из заваленных часовых я успел рассмотреть петлицы – торчали из под камуфляжа. Унтершарфюрер. На черном фоне одна темно-зеленая полоса. Мне стало интересно. Подумал, что за подразделения здесь орудуют, и что нам это даст. Посмотрел погон под курткой. Разведка. Золотисто-жёлтая окантовка. На кепи эсэсовский череп с костями. Но вот, что самое странное: на погоне серебристой ниткой вышита готическая буква «А»,

что также подтверждает принадлежность к разведывательному батальону. Но... – Игорь задумался.

– Не тяни! Многоточие ты наше! – в нетерпении произнес Серёга. – К чему эти дурацкие подробности о форме? Вы, я вижу, с Генкой совсем рехнулись на военной истории.

– Погоди, погоди, ничего не пойму, – не обращая внимания на реплику Глебова, забормотал Полковник. – Конфигурация этой буквы «А» необычная, с подвыпердовертом, так сказать. Принята только в 1943-м году, в 41-м этого просто не могло быть.

– И что нам это сейчас даёт, прохфехссор?! – не выдержал молчавший Алексей.

– Ещё одни гости из будущего, то есть из прошлого, тьфу ты, из прошлого будущего, блин, запутаться можно! – Сёрега с досадой выругался.

– Ладно, о времени и о себе потом, сейчас-то, что делать? – Лёхе не терпелось удалиться подальше от жуткой деревни.

Было совершенно очевидно, что ведомшинцам теперь уже точно нельзя возвращаться в деревню. После того, как эсэсовцы обнаружат своих погибших, точно устроят показательную порку, в смысле, карательную акцию. Беглецов всех, а из деревни за каждого убитого эсэсовца по десять деревенских как минимум расстреляют или повесят, а деревню, наверняка сожгут теперь уже всю. Правда, если в деревне ещё кто-то живёт, уж слишком безлюдной она казалась. В соседнее Шепелево людей тоже везти не имело смысла, скорее всего, именно туда уехали основные силы фрицев.

Деревенские начали спорить, идти ли им в Лось-Андрианово или в Захарово. Потом всё же приняли решение схорониться пока в Лосе. Там, по словам одного из мужиков, его свояк живёт, а до Захарова на пять вёрст дальше и через болота шлёпать. Есть, конечно, тропинки. И туда, мол, фрицам труднее добраться, но люди обессилены, голодные, могут и не дойти. Пацан вон еле на ногах стоит.

– Мужики, мы в другую сторону, – спокойным голосом прервал их Геннадий.

– Эй, вы что? Куда? Пропадёте одни здесь. Места болотистые, гиблые. Идёмте с нами.

– Нет, у нас спецзадание партии и правительства, – отрубил Полковник. Алексей добавил:

– Что мы спасли вас, ни одна душа не должна знать. Даже родные и близкие. И местное начальство тоже. Не дай Бог утечка информации случится. Придумайте, как вы сами освободились.

– То-то я смотрю, вы ловко с ентими управились, – заговорил один из мужиков, на вид самый старший, обращаясь к Генке. – А выстрел-то какой меткий! Ты, милоч, часом, не ворошиловский стрелок? Сдаётся, вы не простые путешественники?

Николишин не стал ни отрицать, ни соглашаться, лишь загадочно улыбнулся, а про себя подумал: «Значит, в этой реальности Ворошилов существовал».

– Да вы не беспокойтесь, – мужичок понимающе подмигнул. – Нешто мы не понимаем. Хоть и малограмотные, но текущий момент усекаем. Раз здесь откуда ни возьмись фашисты, то и супротив них, должно быть, вас из центра прислали. Только мало вас. Жалко, полечь можете.

– Ну, это ещё как сказать, – Игорь решил подыграть Генке и, напустив на себя серьёзный и решительный вид, как бы невзначай поправил автомат за плечом.

– Ну, спасибо вам, ребята. От смерти неминучей спасли.

Мужики встали, загомонили, обступили четверых попаданцев, крепко пожимали руки, хлопали по плечам.

– Мальчонку берегите, – сказал Алексей. – Я председателю обещал. Закончим дело... – он не договорил, поскольку не знал, чем всё кончиться и где потом искать мальчика. Хотя фамилия, имя и отчество известны – Панкратов, Николай Иванович, год и город рождения также знают – 1929-ый, Москва. Если что, найдут, человек все же не иголка в стоге сена.

– И пошли они солнцем палимы... – грустно произнес Сергей, глядя в след удаляющейся группе простых деревенских мужиков. Сжалось как-то сердце при взгляде на сутулые

спины своих русских соотечественников, которых угораздило родиться и жить в период ленинско-сталинских репрессий и большевистского беспредела, голода, в годы войны с сытой, мощной фашистской Германией, не видящих ничего в жизни кроме рабского крестьянского труда, что до революции, что при советах.

– Ладно, ребята, в машину. Не ровен час – погоня, – прервал общие грустные мысли Полковник.

До места высадки на косе ехали молча. Решили направиться именно на плёс, поскольку только туда вела хоть в какой-то степени приемлемая дорога. Затем предполагалось подняться вверх по берегу реки настолько, чтобы при переправе течение снесло их точно на остров. С другой стороны, не слишком высоко, чтобы их не заметили с моста. Грузовик же хотели сначала утопить в реке, но потом всё-таки решили, что может пригодиться на случай, если опять придётся переправляться на этот берег и как-то действовать.

Метров через сто пятьдесят наткнулись на делянку, где мужики из Ведомши валили лес. Друзья согласились, что дальше идти опасно – слишком близко «фашистский мост», но и плыть пока светло – смерти подобно. Пришлось опять дожидаться темноты.

Рассказали друг другу о своих перипетиях. Повествование постоянно прерывалось восклицаниями неподдельного удивления и замечаниями о невероятности происходящего. Алексей и Гена поведали о встрече с Николаем Ивановичем, о странном разговоре, о непонятных реалиях, в которых он живёт, о неизвестной машине марки «Союз». Сошлись также на том, что шрам на лице Николая Ивановича и на лице Коленьки идентичен. Значит, в течение суток ребята встретили одного и того же человека, постаревшего на 71 год. «Цундап», увиденный ребятами у Иваныча во дворе, вероятнее всего, тот же, с которого недавно сняли МГ-38.

– Помнишь, Ген? – Алексей внимательно посмотрел на Николишина. – Иваныч на мой вопрос, откуда у него шрам, ответил, что, мол, во время войны, когда он был пацаном, фашист один...

– Да, он ещё сказал, что всё всем прощает, только одну вещь не может. Начал было про фашиста, про то, что его батька был председателем колхоза в этих местах во время войны.

Мужики пришли к выводу, что всё сходится: Николай Иванович – это Коленька, с которым они только что расстались, а его отец – председатель колхоза Иван Федотович. Вчера в сарае Лёха и Генка общались с ними. Председателя ээсовцы повесили.

– Это значит, – подытожил Глебов, – что за трое суток мы были сначала в нашем 2012-м году, потом оказались в 1941-м, потом снова в 2012-м, только в параллельной реальности и вот сейчас опять в 1941-м. Уму непостижимо, три восклицательных мне в глотку!!!

***

Солнце уже перевалило через зенит и начало готовиться ложиться на боковую, но до заката оставалось несколько часов. Желудки урчали от голода и жажды. Поиски «нычки» с продуктами, которую сделали для себя лесорубы, ничего не дали. Обшарили весь сруб. Пусто как в разграбленной Трое после раскопок Шлимана. Приходилось терпеть.

– Может, рвануть на тот берег сейчас? – не выдержал Игорь. – Ну что мы всё время теряем время? Простите за каламбур.

– А куда, собственно, нам теперь торопиться? – Алексей явно никуда не спешил. – Не терпится к Богу в гости, к которому, как известно, не бывает опозданий?

– Верно, – подхватил Сергей, – как говорится, в гонке со временем можно отставать, а можно и выходить вперёд, но главное – не прийти к финишу раньше времени.

– Ладно, – согласился Полковник. – Это я так... просто жрать очень хочется.

– А еще пить, курить, спать, к жене на диван, к телевизору, к тёплому пледу, – в голосе Денисова не звучало сарказма, скорее, наоборот, мечтательная грустинка.

Когда закатное солнце коснулось верхушек деревьев, обнаружилось, что камеры, на которых хотели закрепить оружие, дырявые. Это означало – прощай оружие! Но Игорь не хотел сдаваться. Жаль было терять стволы, которые могли сохранить жизнь. Тем более в такой ситуации. Если лесорубы кроме лесоповала ещё и заводили сети, то, вероятно, при этом пользовались какими-то плавсредствами, поскольку дно здесь сразу глубокое. В подтверждение этому минут через десять внимательного исследования берега раздался победный клич Игоря.

– Есть! Нашёл! Идите сюда!

В густых камышах скрывалась странная конструкция в виде скреплённых вместе двух брёвен. Сверху на них был приколочен насест, напоминающий табуретку.

– Кубарь! – воскликнул Глебов. – Я же говорил. М-да, прямо рояль в кустах!

– Всё, здравствуй оружие! – Полковник победоносно поднял голову.

***

Когда ночь разлила на Кубрей очередную порцию чернил, в которых можно было различить лишь общие очертания острова и «фашистского моста», четверо мужиков аккуратно, чтобы не шуметь нечаянными всплесками, спустили на воду кубарь. Двое сидели на брёвнах. К «табуретке» ремнями были прикручены стволы. По двое, меняясь то на брёвнах, то в воде, направляли катамаранчик. Через четверть часа парни благополучно добрались до острова. Чуть живые, вымотанные всем произошедшим за трое суток и в довершении борьбой с течением, они выбрались на берег. И всё же мужики не хотели ломаться. По крайней мере, морально.

– Как говорил один из персонажей новогоднего огонька, это хорошо ещё, что у меня тельце такое тренированное! – выдал Лёха, с трудом восстанавливая дыхание.

Оставленное на острове снаряжение и рюкзаки оказались в целости и сохранности. Наспех поели консервов (холодную уху не хотелось) и выпили по полкружки растворимого кофе. Вчера Сергей перед тем, как колдовать над ухой, догадался часть кипятка отлить в термос. Горячее питье после заплыва в холодной воде приятно согревало внутренности. Физическая усталость давала о себе знать. Почему-то уже никто не говорил о необходимости выставлять часовых. Бесплезно: вымотанные организмы всё равно сморил бы сон. Трудно человеку почти трое суток не спать. Как обычно, в одной палатке расположились Денисов с Глебовым, в другой – братья Николишины. Уже забравшись в спальный мешок, перед тем, как погрузиться в тяжёлое и вязкое забытие, Лёха неожиданно выдал:

– Мужики, помните сегодняшний бой у сарая?

– Ну? – отозвался из соседней стоявшей почти вплотную палатки Игорь, который вряд ли когда-нибудь забудет ту перестрелку и несчастные сантиметры, отделявшие разбитый бинокль от виска.

– Я почему-то вспомнил Твардовского.

Мимо их висков вихрастых

Мимо их мальчишских глаз

Смерть в бою свистела часто

И минет ли в этот раз?

– И что? – спросил Игорь сонным голосом.

– Всё-таки нехорошо это как-то выглядит на бумаге без отменённой буквы «ё». Я бы заменил на «и минует ли сейчас».

Мужики уткнулись в подушки, чтобы не разорвать тишину молодецким гогомом.

– Как говорил Остап Бендер, побольше цинизма, людям это нравится, – поддержал Лёху Игорь.

Через пять минут они забылись тяжёлым сном.

***

Утром поднялись чуть свет. Около шести утра. Первым делом попытались проверить, на месте ли немцы. Но утренний туман пока скрывал мост. Грустные сели завтракать. Попили кофе с бутербродами. Закурили.

– Итак, мы убедились в реальности этого дурдома, но я не могу понять, возможно ли это с точки зрения физики? Этот вопрос не идёт из головы, – начал разговор Гек. – Так, допустим, что это всё же случилось, как попадём в наше время? И попадём ли? Если останемся здесь, как жить, куда идти? Ужас! Хочу домой, к жене, детям, отдельной квартире, Интернету, тёплому клозету и ванной, к мещанскому уюту. Не хочу скакать по пампасам с автоматом и воевать-убивать, – в Генкином голосе звучала тоска. – Нет, серьёзно, до сих пор не могу прийти в себя от мысли, что я человека убил. И не важно, что он фашист. Просто я убил человека! Помните в «Женитьбе»: «Я вам не субъект какой-нибудь, неодушевленное имя существительное. И я в душе тоже свой жанр имею!»

Игорь тяжело вздохнул:

– Знаешь, братан, жанр у нас сейчас только один на всех – приключенческо-фантастический. Но не как в романах, когда Воин Добра и Света лихо выходит из невысказанных передрыг и побеждает всякое там Говно Унылое. У нас здесь возможны летальные исходы. Поэтому, наверное, чтобы выжить, мы просто вынуждены убивать. Иначе они нас.

Тягостное молчание, кричавшее о многом, нарушил Сергей:

– То, что мы оказались в прошлом, это понятно, только в каком прошлом?

– Скорее всего, мы оказались в параллельной реальности, – предположил Денисов. – Вспомните, мы вам с Гешкой рассказывали про Николая Ивановича и в каких реалиях он живёт.

– А я сомневаюсь, что вообще возможна переброска предметов и, самое главное, человека из одного времени в другое или, скажем, так называемая нуль-транспортировка, как, например в фильме «Муха». Кстати, что вы думаете по поводу того же «филадельфийского эксперимента»? Лёх, помнишь, мы начали говорить о нём по дороге в Кубринск?

– С этим экспериментом всё не так просто, – Денисов на секунду задумался. – Я в своё время о нём видеоматериал делал. Вы наверняка об этом проекте «Радуга», или «Пи Икс», как его ещё по-другому называли, тоже читали.

Алексей до сих пор не мог понять, правда это, или мистификация века. Он напомнил об этом эксперименте, до сих пор вызывающем досужие домыслы обывателей.

Осень 1943-го года. Порт Филадельфии. Начинается эксперимент с электромагнитными полями. Говорили, чуть ли не с участием Эйнштейна и Николы Теслы. Ровно в девять ноль-ноль генералы-адмиралы, а может, и сами учёные, отдают приказ запустить центральный генератор нулевого времени и ещё несколько вспомогательных генераторов электромагнитных колебаний. Через минуту густая пелена зеленоватого цвета окутывает эскадренный миноносец «Элдридж». Ещё через минуту огромный корабль полностью растворяется на глазах вояк и яйцеголовых. В девять двадцать миноносец возвращается из небытия. Начинают опрашивать команду. Те в невменяемом состоянии: заикаются, истерически хохочут, как пьяные или обкурившиеся, бесцельно слоняются по палубе. Потом, успокоившись, вспоминают. Почти все рассказали, что на какое-то мгновение зелёное облако рассеялось, и команда прямо перед собой увидела верфи Норфолка, запасную стоянку «Элдриджа». А городок, между прочим, расположен в добрых 12-ти часах хода от Филадельфии. Потом облако снова заволокло корабль, и в следующее мгновение «Элдридж» вернулся на место.

Через три недели опыт повторили в открытом море уже с новой командой. Всё тоже самое: зелёная пелена, исчезновение эсминца. Когда «Элдридж» снова материализовался,

большая часть команды сошла с ума, у многих были страшные ожоги, кто-то воспламенялся прямо на глазах у пришедших в ужас экспериментаторов. Самое жуткое: несколько моряков буквально «вплавились» в судовые надстройки. Ещё двое, якобы, прошли сквозь стены кают, причем один из них так никогда и не вернулся.

Рассказав всё это, Алексей перевёл дух и добавил:

– По крайней мере, так выглядела картина со слов очевидцев. Вот я и думаю, если можно мгновенно перемещать предметы в пространстве, то, наверное, можно и во времени.

– Если бы не события последних трёх дней, – вступил в разговор Сергей, – я бы, Лёха, подумал, что ты наивный человек. Или безнадежный романтик. Я тоже интересовался этой темой, и вот, что думаю. Или думал. Если бы «Пи Икс» не существовал, его надо было бы выдумать. Ну как же, такой Клондайк! Причём, застолбить участок может каждый.

По мнению Глебова, эксперимент с электромагнитными полями действительно был. Да, на самом деле в Филадельфии в 1943-м проводились исследования по размагничиванию кораблей. Ну, чтобы их невозможно было обнаружить, то есть, чтобы они становились «невидимыми» для магнитных мин и радаров. Но вот некие ушлые ребята, а американцы всегда умели на пустом месте делать деньги, уцепились за слово «невидимый» и решили раздуть сенсацию. Сиречь – срубить бабла. Неспроста загадочным событиям 1943-го года посвящено шестнадцать мировых бестселлеров, снято два крутых фильма. Учёные собирают симпозиумы, конференции, семинары, проводят исследования. «Знатоки», «общепризнанные специалисты», «авторитеты» читают лекции, собирают материалы, откапывают участников. Появляются «очевидцы событий», их родственники, друзья, друзья друзей. И вот раскручена целая индустрия, – книги, фильмы, видеокассеты, DVD и прочая и прочая. Все в доле. Все при деле, учёные, бизнесмены и просто любители погреть руки на сенсациях, те же СМИ. И уже вряд ли можно чётко определить авторство «фальсификации века», да, впрочем, и не важно, кто первый начал. Главное отличие мистификации от научной и не очень фантастики в том, что у первой нет ярко выраженного авторского начала. Нет, так сказать, родителей, одни лишь свидетели. Это очень удобно всем. Раз автора нет, и до чёрта очевидцев, то не с кого спросить. А, так называемые, объективные факты принадлежат не группе лиц, а истории. В результате, мистификация превращается из безобидной городской легенды в мировое масштабное финансовое предприятие. Ни тебе предьяв о защите авторских прав, ни судебных исков. Чем не идеальные условия для массового покоса зеленых долларовых насаждений? И косарей всё прибавляется из года в год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.